

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ КРАБОВ
КОЛДУН.
ИЗ РОССИИ
С ЛЮБОВЬЮ

Вадим Крабов
Колдун. Из России с любовью
Серия «Колдун», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12196755
Колдун. Из России с любовью: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2089-6

Аннотация

Наш соотечественник попадает в магический мир. Только-только осваивает магию, по большой любви женится, воюет за новую Родину... и вдруг на тебе! Провидение забрасывает его назад, в Россию. Ох и повыл он, ох и погрыз земельку. Магии-то лишился, а привыкнуть к ней успел. Пристрастился, как кот к валерьянке, так и манит. Надо возвращаться, а как? В первый раз «попал» чисто случайно, а тут Провидение отвернулось. Приходится колдуну исключительно на свои силы рассчитывать. А на Земле, кстати, не так чтоб уж совсем магии нет. Есть чутки. Да и ушки его тамошних врагов-чернокнижников проклюнулись. И началось! Ни в сказке сказать, ни пером описать... жуть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Вадим Крабов

Колдун. Из России с любовью

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Как получилось, право, не пойму...*

Из черновиков Александра Сергеевича

Пролог

Чувство выполненного долга – прекрасное чувство, всяческих похвал достойное. Торжественное такое, пафосное. Умирать с ним должно быть легко по определению. Я и умирал. И да, легко. Только почему-то без желания. Тонул по тьме бездонных глаз, растворялся, теряя силы, а все бултыхался и бултыхался, пытаюсь всплыть, к жизни тянулся, но увы...

Я точно помнил, что победил. Жену защитил, товарищей спас, войну, скорее всего, закончил и даже бога поверг, с которым встречаться совсем не планировал. Поступки, несомненно, геройские совершил, только вот божок тот утянул меня за собой, в портал падая, мною же созданный. Глянул черными глазищами, огромными, как океаны тьмы, я и померк. Смазал, черт, удовлетворение от триумфа. Обиду я почувствовал, а не торжество и понял, что погиб; и погиб, как говорят, смертью храбрых.

Загробный мир существует, можете мне поверить.

Я пришел в себя. Вокруг – ничего. Плотный кисель непонятного цвета, который можно кусками резать, было бы желание. Вдруг ко мне как ни в чем не бывало подошел давно умерший друг по имени Рон, невесть откуда взявшийся и непонятно как в том киселе передвигавшийся.

– Что, друг, несладко? – посочувствовал он. – Но могу тебя поздравить: ты выполнил то, что должен был.

– Где я? – спросил я первое, что пришло на ум.

– Ты в Нигде, точнее не скажешь. А я – мертв. Ну, это ты помнишь. Меня отпустили под честное слово, – заявил он серьезно, поглядывая, однако, лукаво.

– Спаситель? – переспросил я, имея в виду популярного «светлого» бога, культ которого в Эгноре (магическом мире, куда меня занесло почти случайно) был фактически официальным, но с земным христианством, кстати, не имел ничего общего.

– Бери выше! Спаситель – мелкий божок, чуть покрупней Вартараара будет.

Вартараар – тот самый, который утащил меня за собой. Относится к классу «темных», если у небожителей в принципе можно выделить какие-либо классы.

– Куда выше-то? – удивился я, подозревая в словах друга какой-то розыгрыш. – И вообще, кому это я был когда-нибудь что-нибудь должен? Кроме тебя, конечно; извини.

– Это ты меня извини, не отвечу я тебе, «куда выше». На то она и вера, чтобы верить, а не знания знать, – сказал таким тоном, будто по носу щелкнул, мол, не суй его куда не следует. – А должен ты был исключительно самому себе. Согласись, что не дело это, когда людей режут ради получения силы и удовольствия ради, верно? А души обрекают на вечные муки; правда?

– Не дело, – согласился я, чувствуя себя глупо.

– Вот ты людей от этого и избавил.

– Ага... – я смутился. Но нашел-таки что возразить: – А просто так резать не будут, что ли?

– Будут, – с грустью признался Рон. – И для удовольствия будут, но только не ради силы. «Черная книга» теперь – просто книга, магия из нее ушла. Скоро за ней коллекционеры гоняться начнут – сожгут почти все экземпляры. Батвия станет обычной страной. Пусть и с возросшим уровнем преступности, но зато без подспудного страха, который сидел в каждом. Вспомни охранников в тюрьме с заключенными, предназначенными для жертвоприношений. Обычные, совсем не злые люди, занимающиеся жутким в своей обыденности делом, причем уверенные, что так и должно быть. Колоть людей на алтаре считали нормой. Вся страна так считала. Это кощунство в масштабах всего мира.

– Преступление против человечности, создание режима, попирающего основные права и свободы граждан, вернее – подданных, игнорирование общечеловеческих ценностей, – проговорил я, казалось, давно забытое, еще земное.

– Можно сказать и так, – не понял иронии Рон.

– Подожди... так, Вартараар погиб? – уточнил я, засомневавшись и очень надеясь на положительный ответ.

Рон скривился:

– К сожалению, нет. Ты изгнал его с Эгнора, и, поверь мне, больше он туда не вернется. И никакой Спаситель ему не поможет. Алтари чернокнижников стали просто камнями, и теперь их можно разбить, если такой целью задаться.

– Эх, Рон, как жаль, что ты погиб! – воскликнул я в сердцах, сам того не ожидая. – И Лиона, и... Друг меня перебил, не дал сказать сокровенное «я»:

– Лиона жива, только она не в Эгноре. Как ты помнишь, она превратилась в богиню.

– Еще бы! – подтвердил я. – Для меня это случилось буквально только что. Вовремя она отвлекла Вартараара...

– Лиона и та богиня – одна личность. У них сложные отношения. Сейчас богиня пережила, а что случится дальше – неизвестно... А ты, видимо, и себя уже похоронил?

Я промолчал. Если бы у меня билось сердце, то и оно бы замерло в ожидании приговора.

– Тебе это так важно? – усмехнулся Рон, явно издеваясь. – Ребенок у тебя скоро родится, свою школу магии в Эгноре ты создал, земные знания привнес и сохранил, можно и на покой. Поверь, здесь не так уж и плохо. – Рон шутил, но мне смешно не было. – Ладно, не буду интриговать. Живой ты. Немного похоже на Лиону, но не как она совершенно: собой ты остался. Скоро сам увидишь, – и, останавливая готовый сорваться вопрос, попрощался: – Мне пора. До встречи. Надеюсь, нескоро и, надеюсь, неизбежной.

От сердца отлегло, и я зацепился за его слова:

– Надеешься – значит, можно жить вечно?

– Просто есть и другие места для посмертия, менее приятные. Вечная жизнь – одно из них. Я пойду, мне действительно пора. Пока, Егор.

Он исчез, а вслед за ним пропало Нигде. Я очнулся в больнице.

Глава 1

Возвращение с того света – это, смею вас уверить, событие весьма неприятное; липкое какое-то, бредовое, длинное, как кошмар, в котором раз за разом будто бы просыпаешься, веришь, что безобразия позади, но страх, сволочь, каждый раз возвращается, и конца и края этому не видно. Я побывал раздавленным тараканом; в мутном кисельном пространстве побеседовал с давно умершим другом, данному факту совершенно не удивившись; тихомирно распадался на атомы, ужасаясь и следя за этим фактом безразлично, как бы со стороны; и вдруг появляется свет в конце тоннеля, который медленно формируется в белый потолок...

Старая известка с разводами, трещинами, пластинами разнокалиберных чешуек, торчащих точно короста на затянувшейся ране, которую меня внезапно потянуло отколупать. До боли в зубах поманило. Однако нечем. Рук как бы вовсе нет. Как нет и остальных частей тела. Как нет и паники по этому поводу. Вроде так и должно быть. Нет, не должно, но как должно быть правильно – не помню. Полный сумбур, раздраз и анархия, которая в моем случае в порядок не превращалась.

Дурацкая шальная сумятица, замешанная на безусловной радости от того, что я не исчез, не развоплотился, не пропал, то есть в какой-то мере – не умер, мешала думать конкретно, по существу. До какой степени меня можно было назвать живым, меня не волновало. Не говоря уже о серьезных вопросах: где я, когда и как оказался там, где есть, в каком состоянии нахожусь. Да не важно это! Лиза – моя жена, жива, друзья здравствуют, враги повержены (во всем этом я был убежден абсолютно); а Рон, мой учитель и спаситель, встречался со мной после смерти. И его и моей. Или я не погибал? Нет, Вартараар – бог чернокнижников, прихлопнул меня, как жука навозного, аж брызги летели. Но я его изгнал. Точно-точно! Путано все...

Боль нахлынула с силой и неотвратимостью цунами. Затопила каждую клеточку. Тогда я понял две вещи: во-первых, тело у меня имеется, причем в полном объеме, со всеми членами и волосами (даже эти мертвые кожные придатки ныли); во-вторых, я лежу на металлической кровати, на твердом ватном матрасе, укрытый одной лишь простыней. В глотке застряла жесткая трубка, мешающая орать, и, если бы не она, я вопил бы в голос. Бетонный потолок, лампа дневного освещения (страшно гудящая), веселый диджей, который изредка вклинивался в непрерывно звучащую русскую попсу, намекали на то, что я вернулся на Землю, в Россию. Иголka в вене, капельница, писк какого-то прибора над головой, наличие в горле пыточно-медицинского изделия заставляли задуматься о больнице. Хорошо, что способность двигаться вернулась позже, когда боль благополучно ушла, а то... не знаю. Разломал бы все, наверное, от бешенства. Кроме физического страдания, было до жути обидно.

Творец (или как его там? В общем, самый главный) устами Рона-привидения передавал мне, что я погиб не совсем окончательно, что жить буду, только в иных обстоятельствах. Ох, если бы я догадался в каких! Я бы... подготовился.

Осознание возвращения на родину повергло меня в шок. Ветхим мешком ударило по голове, и от пыли я задохнулся.

Конечно, иногда я задумывался о возвращении. Но исключительно погостить. Обнять мать, похлопать по плечу отца, убедиться, что у них все в порядке, уверить родных, что живу как сыр в масле; в общем, успокоить, чтобы переживать перестали. Чтобы, наоборот, загордились таким необычным мной. И назад, в суровый, но честный Эгнор, в мир, находящийся неведомо где: возможно, в иной Вселенной, а возможно, рядышком, всего-то в паре сотен световых лет от Земли. Но в момент, когда я понял, что нахожусь на родине, мой разум был,

мягко говоря, не в лучшей форме, поэтому я чуть не свихнулся от того, что вся моя полуто-раговая эгнорская жизнь могла оказаться всего лишь плодом больного воображения.

Слава богу, разум возобладал. Не последнюю роль в сохранении здравомыслия сыграли колдовские способности, которые я лихорадочно бросился проверять. Кое-какие нашлись. До своей эгнорской формы мне было, как до луны на карачках, но сам факт наличия подобных возможностей в нашем абсолютно рациональном мире – явление невероятное. Значит, бурная, насыщенная, трудная и счастливая жизнь, чудеса чародейства, любовь и ненависть, война и мир были реальными, а не плодом больного воображения. На том я утомился и стал изображать натурального тяжелого больного, дабы осмотреться и осмыслить дальнейшие действия, целью которых было только одно – возвращение домой, в Эгнор, полюбившийся мне до разрыва вен. Иное даже не обсуждалось.

Городок, где я очутился, назывался непрезентабельно – Закуток. Несмотря на захудалое название, он занимал высокую должность райцентра большого района в одном из восточносибирских регионов нашей огромной Родины.

«Интересно, Закутовского или Закутинского района? Может, Загубинского? Или Забубенного?» – мысленно сыронизировал я, как только услышал это странное название, и едва не поперхнулся, чудом не разрушив старательно изображаемое мной коматозное состояние. Дело в том, что «Комес» со старого местного наречия переводился именно как «закуток между горами, маленькая долина».

Комес – так величают мое маленькое баронство. Да-да! Заработанное честным непосильным трудом на благо одного хитрого графа. Я и титул настоящий имею, им же пожалованный. Замечу – не купленный. Ну, почти. И все время, живя в Эгноре, я часто улавливал совпадения со своим земным или не совсем своим, а неким «древним» опытом. Чаще всего это были имена и названия мест. Мой ученый друг, Агнар, открыл в этом «знаки» самого Творца, который с их помощью якобы указывал мне путь. А я же всегда внутренне содрогался, замечая идентичность, например, имени моей будущей жены – Лизия – с древним именем собственно Земли, в смысле нашей родной планеты или мира. Неприятно, знаете ли, чувствовать себя ведóмым или, хуже того, бараном, которого гонят куда-то с непонятной для него целью. Сразу напрашивается – на заклятие. Правда, в итоге все получалось неплохо, даже, я бы сказал, удачно. В конце вот от злобного божка мир избавил. С помощью друзей, конечно, и погибнув в схватке, но опять-таки вовсе не умерев. Герой! Но в гробу бы я видал такие подвиги, к которым тебя толкают. Аккуратно так подводят – не отскочить, не отпрыгнуть. Очень напоминает задание в какой-нибудь компьютерной игрушке, только с настоящей болью, и физической, и духовной, и с реальными, не оцифрованными людьми с их единственной, неповторимой жизнью.

Всей шкурой почувствовав призрака нового «квеста», я в очередной раз содрогнулся и, сжав зубы, возопил. Успокоиться удалось с трудом и только тогда, когда, услышав частый писк кардиомонитора, дежурная медсестра Зиночка – я имена всех выучил – воскликнула:

– У Неизвестного тахикардия – зайдите во вторую, Герман Эдуардович!

Врач меня послушал, посветил в глаза, велел померить давление, проверил рефлексы, поворчал на заполошную Зиночку и напоследок буркнул:

– На психу переводить будем, скоро закончатся ваши мучения.

– Мучения! Скажете тоже... Все бы такие беспокойные были. Сегодня впервые к нему врача вызвала. Симпатичный к тому же, – добавила кокетливо.

Мне казалось, что ее руки, в отличие от рук других медсестер, касались меня особо нежно и одновременно по-хозяйски, оценивающе.

– Жаль, если на психу.

– А куда еще? Соматически совершенно здоров, а с башкой пусть там разбираются. Вчера с главным договорился.

Герман Эдуардович заведовал отделением анестезиологии и реанимации, в котором я имел честь находиться.

– Койку зазря занимает. – Голоса и цоканье каблучков Зиночки удалялись.

– А там что с ним сделают?

– Электросудорожная терапия – слышала о такой? Попробуют... – Звуки постепенно затихли.

Твою Вселенную! Электроды к башке – и бабах? Не согласен! А в сериалах годами в коме лежат и не жужжат. М-да, здесь у нас не тут. Все, срочно прихожу в сознание.

Когда из постоянно работающего радио я узнал год, число и месяц, то ушам своим не поверил. На Земле прошло всего чуть более трех недель с момента моего исчезновения. Выходит, неделя здесь – полгода в Эгноре? Или портал смещает не только пространство, реальности, но и... время? А может, и то и другое, а может... да много чего может! Факт остается фактом – полтора года насыщенной счастливой жизни уложились в три недели местного времени.

И я несколько не усомнился в реальности той, эгнорской жизни. Баронство, Руины, магия – все это было на самом деле. Двое суток, проведенных в постоянных тренировках базовых, некогда элементарнейших для меня колдовских умений, убедили меня в этом окончательно. Спасибо тебе, провидение! За жизнь прошлую и нынешнюю. Я все боюсь сказать... Создатель? Творец? Но точно не Спаситель¹. Глупая инициация в стандартной однокомнатной квартире в обычной хрущевке прошла на удивление удачно, и навеянная книгами Стругацких тупая мысль о переделке тела на более сильное, быстрое, выносливое, отлично регенерирующее удалась на славу. Не сам же я это устроил. Теперь я точно знаю, что для неопита такое невозможно.

Рон спас мне жизнь. Выходил мое тело, простреленное девятимиллиметровой пулей «макарова». Тогда, три недели назад по местному времени или полтора года по эгнорскому, я почти что скрылся в межмировом портале Земля – Эгнор, который нагло создал сам, по какому-то невероятному наитию. Пуля догнала, дура, успела... Сейчас, разумея о магии неизмеримо больше, я бы не рискнул поступить так же. С тем багажом знаний, я имею в виду, не с нынешними умениями...

Рон! Смерть его была геройской. Он в одиночку встал на пути отряда чернокнижников, держался до прихода подмоги, но последний удар пропустил. На моих глазах это произошло, я опоздал всего на мгновение. После этого созрел план мести. Мы отыскали способ отправиться в самое логово «черных», пришли и победили. Только вот встретить там аватар самого Вартараара не рассчитывали. Но ничего, справились. А с другой стороны, хорошее у Рона посмертие – не забывает «своих» Творец или кто там еще.

Стоило только вспомнить о Роне, как поднялась волна тошноты. Противно чувствовать себя ведомым. Нахлынула тоска по Лизе, друзьям, да и лица жителей баронства как наяву предстали – я и за них сражался. А как там в целом в Эгноре? По словам Рона, сказанным мне (моей душе?) во время нашей встречи в «кисельном» пространстве с бестолковым названием Нигде, союз государств, куда вошло мое баронство, от нашествия чернокнижников отбился. Меня, поди, оплакивают. Хотя нет. Лиза должна чувствовать, что я жив. Я же чувствую ее... да, у нее все хорошо. Странно это и удивительно. Светло на сердце, несмотря на то что она очень далеко...

¹ **Спаситель** – эгнорский бог, культ которого распространен на большей части Иверского континента. В глубокой древности он якобы спас племя иверцев (голодающих-холодающих, преследуемых дикарями) от полного уничтожения. Отсюда имя. *Здесь и далее – примеч. авт.*

Накатило спокойствие. Непременно вернусь. Напитаю энергией «резервуар», прекрасно сохранившийся в моей «астральной» голове (можно сказать, «в виртуальном образе»), – и вперед. Подождать, правда, придется... Ну, Лиза, лисичка моя хитрая, терпеть умеет.

Проблемы с «выходом из комы», документами, легендой и так далее отодвинулись на задний план, как совершенно незначительные. Я спокойно вышел из «комы» и просто уснул. Утро вечера мудренее.

Мне снились Лиза с маленьким сыном. Она стояла в стороне, улыбалась. Мы с сынишкой весело играли. Он забавно коверкал слова и лънул ко мне. А я умилялся, глядя на его пухлые ручонки. Нос ловил тонкий запах пушистых детских волос. Всю душу наполняли нежность и абсолютное счастье.

В Эгноре, так же как и на Земле, воспитанные люди над убогими не потешаются. Но я бы не удивился, если бы какой-нибудь прыщавый отпрыск благородного семейства, гордый от проклянувшего Дара, узнав о моих нынешних магических возможностях, сказал бы мне, тщательно скрывая довольство: «Ах, барон, как я вам сочувствую! От всего сердца советую ни с кем не ссориться. Напыщенных идиотов, знаете ли, много, а у вас репутация... ну, вы понимаете. Надеюсь, вы из замка теперь ни ногой? Очень за вас переживаю...» – И сразу побежал бы сплетничать. Уверен – глумливо хихикая.

Увы, но пока я мог только мысленно входить в астрал (компьютерная «виртуальность» – жалкое подобие этого тонкого мира, привязанного к личности) и с грустью смотреть на свои инициированные стихии, на своих «девочек», которые, как я очень надеялся, просто спали. Из ярких, болтливых женских образов они превратились в бесформенные, тусклые пятна. Попытки растормошить их, достучаться, докричаться ни к чему не приводили. Нити Силы, из которых можно было бы сплести заклинание, из стихий не вытягивались. Как нечем было и напитать это мое творчество – маны, магической субстанции, над разгадкой природы которой бились лучшие умы Эгнора (и древнего и современного), не было. На Земле, как я думал, еще живя в Эгноре, ее не существовало в принципе, как бикини для правоверных арабов. Для создания межмирового портала я использовал совсем другую энергию, из школьного курса физики, в котором утверждалось, что она равна произведению массы на квадрат скорости света. Так оно и оказалось, хвала Эйнштейну. Но в данный момент, в связи с тем, что стихии не откликались, это сила была мне недоступна. Впрочем, она и в магическом мире мне никак не давалась, до самого последнего дня. Зато, когда удалось черпануть горсть серой массы из астрального «резервуара», где та эйнштейновская выдумка давно лежала бессмысленным грузом, да швырнуть ее в аватар бога чернокнижников, в Вартараара – тому мало не показалось... Только успел, сволочь, и меня за собой утянуть. Я хруст собственного черепа расслышал.

Слава богу, сохранилась возможность выхода из тела свободным сознанием. Кстати, это являлось уникальной особенностью основанной мною школы, созданной, разумеется, под руководством старших товарищей, чародеев со стажем: Рона и Агнара, который и вовсе был преподавателем настоящего магического учебного заведения и теоретиком считался великолепным.

Из полета свободным сознанием я хорошо изучил городок. Тысяч пятьдесят – шестьдесят жителей навскидку. Два небольших квартала с двух- и пятиэтажками и два больших частных сектора. Поселок с коттеджами новых русских и недавно отремонтированный маленький железнодорожный вокзал с автостанцией. Три полуразрушенных предприятия, и только на двух из них какая-то видимость работы. Из разговоров я понял, что это трактороремонтный завод и золотообогатительная фабрика. Процветали три ночных клуба,

один боулинг и несколько пунктов общественного питания типа кафе-ресторана. Работали пилорамы, в нескольких местах складировались бревна, доски и другие пиломатериалы. Не похоже было на полный крах, как в других подобных городках захолустья. Конечно, медсестры ныли о трудностях с деньгами, завале кредитов, пьянстве мужей, безработице, но это не выбивалось из общероссийской картины, какой я ее помнил. Общая аура города была стабильно-неуверенной. Хорошо ли, плохо ли это или так у нас везде – я не знал; я впервые почувствовал общую ауру места. Невольно восхитился новым «знаком» и обозлился: это что, типа новый «бонус»? Мысленно погонял желваки и в сердцах сплюнул. Нервов с этим «провидением» не хватит, и один черт – без толку. От него не убежать, не спрятаться, да и плохого оно мне вроде бы никогда не желало. Но я всегда брыкался – самолюбие не позволяло принимать чужое вмешательство, особенно когда не просишь как должное.

Маны в Закутке не нашлось ни грамма. Лишь несчастная тоненькая ниточка где-то далеко-далеко на северо-западе так и манила к себе. Надо, просто необходимо до нее добраться, кровь из носу! Земля оказалась не абсолютно «стерильной».

О переводе в психбольницу впервые заговорил приглашенный на консультацию невролог. Сутки назад прямо возле моей койки состоялся такой диалог.

– Никакой патологии по своей части я не нашел, Герман Эдуардович. На кому тоже не тянет, это вы и без меня видите. По энцефалограмме – глубокий сон. К психиатрам его отправляйте, это функциональное расстройство, я уверен.

– Придется Абакумову звонить, упрашивать, – с сожалением произнес заведующий. – Вредный он старикан и таких больных не любит.

– Придется, – с сочувствием подтвердил невролог. – Вы мне чайку обещали с печеньем, а заодно я вам такую консультацию напишу, что любой дурдом данного пациента с руками-ногами оторвет. – С этими словами они вышли из палаты.

Тогда я не понял, что меня ждет электросудорожная терапия. Витал в облаках. То есть летал свободным сознанием и в целом еще переживал о случившемся. Теперь – всё. От шока – тоски – сожаления отошел, пора «просыпаться», пока точно по мозгам током не шарахнули.

Я открыл глаза в ответ на прикосновение Зиновки и прохрипел:

– Где я? – хрипел не специально: трудно давались русские слова, и голосовые связки совсем расслабились. Прокашлялся.

Было примерно семь утра, и Зина готовилась сдавать смену.

– Ой! – Медсестра отдернула руку. – Слава богу. Герман Эдуардович, Неизвестный проснулся! – воскликнула голосом, полным радости, будто я был ее родственником, и выбежала из палаты.

На ходу обернулась и бросила:

– Я скоро.

А она симпатичная. Лет двадцать пять максимум. Стройная, невысокая, даже миниатюрная, но в то же время крепкая. Женские формы под халатом, который она, в отличие от других сестер, приталить не удосужилась, были размыты, однако угадывались четко. Фигура в воображении рисовалась далеко не мальчишеская. Волосы короткие, чуть выше плеч, ярко-черного цвета. Карие глаза были слегка раскосыми. Самую малость, как у корейки в третьем поколении. Или японки... не разбираюсь. Может, татарочка. Пока я рассуждал о генеалогии медсестры, она вернулась в сопровождении подтянутого мужчины с крупным волевым лицом. Возраст явно за пятьдесят. Герман Эдуардович. Я их всех видел свободным сознанием, но смотреть натуральными глазами – большая разница.

Заведующий подтянул себе стул, сел.

– Ну-с, молодой человек, как себя чувствуем? – произнося эту фразу, щупал мне пульс. «Не доверяет монитору?» – мелькнула глупая мысль и пропала.

Я еще раз откашлялся и снова произнес:

– Где я? Что со мной? – хрипел гораздо меньше, но говорил медленно.

– Ты в больнице, не волнуйся, теперь все будет хорошо. Как самочувствие? – спросил подбадривающим тоном опытного медика.

– Как – в больнице, в какой? Почему?.. Ничего не понимаю...

– Как самочувствие? – терпеливо переспросил врач. – Я тебе потом все объясню.

Я честно прислушался к себе. Ничего не болит, все работает. Хотя... какой-то дискомфорт. Раньше не замечал.

Через пень-колоду рассказал о самочувствии и потянулся рукой к паху.

– Подожди, – остановил мою руку доктор, – там у тебя катетер в мочевого пузыря вставлен. Это трубка такая, чтоб ты под себя не мочился. Поговорим, и сестричка его сразу вытащит. Ты себя помнишь? Какое сегодня число?

– Сегодня? – Я откинулся на подушку и старательно разыгрывал волнение. В принципе и разыгрывать не приходилось – волновался.

– Восьмое вроде... августа. Ничего не помню, как вата в голове... да что же это со мной! Что случилось?! – Я в отчаянии закрутил головой. – А кто же я?.. – Я поморщился и со стоном закрыл руками глаза.

– Давай так, парень. Во-первых, успокойся – самое страшное позади; во-вторых, ты примерно помнишь число, от него и пляши. Вспоминай, – Герман Эдуардович спокойно откинулся на спинку стула, как бы говоря всей позой: «Я подожду, не торопись».

Я принялся «мучительно вспоминать»:

– Мне надо было в... Закуток, во! Странное название. – Врач с сестрой переглянулись, я в возбуждении сел на кровать.

Голова закружилась, и пришлось опереться руками. Медики дружно вскочили, поддерживали меня, попытались уложить, но я отмахнулся.

– Какое-то дело... деньги с собой были... вроде. Что-то купить, но не уверен... Да! Ребята отправили за чем-то важным. Мы на стройке работали... коттеджа? Под Новосибиром. Точно! Калымили летом, а так я студент... кажется. В Москве? Егором меня зовут – уверен. Фамилия... не помню фамилии... – Я снова с досады уткнулся лицом в ладони и чуть не упал. Поддержали. Моя сбивчивая речь длилась чуть ли не с полчаса.

– Хватит на первый раз, успокойся, – врач сочувственно похлопал меня по спине. – Ложись, отдыхай. Сегодня тебе предстоит насыщенный день. Зиночка, сними катетер. Сам в туалет сходить сможешь? Вот и прекрасно. В принципе ты здоров, как это ни странно.

Когда медики уже уходили, я простонал:

– На автобус опоздал и вышел на трассу... дальше – хоть убей.

– Я же тебе сказал – отдыхать! Не смей больше думать! – строго прикрикнул доктор, и они наконец вышли.

«Фу-ух! От электрошока избавился, а вот от психушки или ментовки «до выяснения» – вряд ли. Сколько там держат, интересно? Я наверняка в розыске, меньше месяца прошло, но маловероятно, что в такой глуши есть мое фото...» И я стал неторопливо перепроверять свой гениально составленный план.

Глава 2

В ординаторской заведующий на скорую руку строчил истории, заполнял журнал, а Зина с санитаркой бегали по отделению. Времени потеряли с этим внезапно очнувшимся больным – ужас, в самый конец смены.

Вопреки обещанию Германа Эдуардовича, день для меня прошел спокойно. Ни одна сволочь не подошла, только шикали, когда я слонялся в больничной пижаме: тут тебе реанимация, а не абы какая терапия, видишь ли. Пришлось завалиться на койку. Но как лежать надоело!

В конце рабочего дня Зина постучалась в кабинет заведующего. Дежурство дежурством, а рабочий день никто не отменял.

– Вы свободны, Герман Эдуардович?

– Заходи, Зиночка, сейчас быстро по телефону поговорю – и свободен. Тяжелый денек, – устало произнес врач, положив трубку. Закурил. – Чего хотела?

Зина села в кресло напротив стола:

– Что вы собираетесь делать с Егором?

– С очнувшимся парнем? Да я бы хоть сейчас его выгнал, да с психи все не едут, и следовательно не пришел. Ты это к чему? – закончил неожиданно грозно.

– Дядя Герман, не отправляйте его в психушку, я вас очень прошу! – горячо выпалила девушка, молитвенно сжав ладони.

Врач, насупив брови, откинулся на спинку кресла:

– Это почему же, Зинаида? Объяснись!

Медсестра замаялась, но, пересилив себя, решительно заявила:

– Пусть он у меня поживет!

Заведующий нервно закашлялся и затушил сигарету, не сразу попав в пепельницу.

– Выбрось это из головы, – прошипел он, преодолевая кашель, – чуть до инфаркта меня, старика, не довела! – С его лица медленно сходили багровые пятна.

Отстранил бросившуюся на помощь Зину и грозно продолжил:

– Я обещал твоему отцу, что позабочусь о тебе, пока он в отъезде? Обещал. Вот я и забочусь. Все! Теперь точно на психу поедет!

– Дядя Герман! Да как вы не понимаете?! Я же не спать с ним собралась! Поймите, у него здесь никого! Его ограбили, он память потерял, а вы... в психушке из него растение сделают! – в конце монолога девушка едва сдерживала слезы.

– Не кричи и не бери меня слезами, я к ним равнодушен. Успокойся. Зачем ты так о нашей психиатрии? Ничегошеньки ему там не сделают, наоборот – помогут. Память вернут. «Жди меня» смотришь?

– Вы же сами говорили про электошок!

– Тю-у, маленькая моя, ты медсестра или рядом с училищем простояла? Он же вышел из сопора, или апатии, или еще какого-то там сна, зачем его током стучать? Теперь просто витаминами поколят, гипнозом поработают – и все. Не переживай за него. Приглянулся, что ли?

– Знаю я эти ихние витамины... – не сдавалась девушка. Вдруг возмутилась: – И ни капли не приглянулся! Вы же знаете мою проблему, дядя Герман! Славка покоя не дает! Не могу же я Сережку у себя поселить? Он бы рад, да жена не отпустит. А у Егора видели, какие мышцы?

– Ох и натворила ты дел с этим Славой! – досадливо покачал головой Герман Эдуардович. – Говорили же тебе, что бандит он, а ты: люблю, люблю!.. Сережка тебя чуть наручниками к батарее не приковывал!

– Да развелась я с ним давно уже! Мне что, всю жизнь за ошибки молодости нотации читать будут? Надоели эти укоры! Я и так наказана больше всех вас, а тут и вы еще, снова и снова! А Сережка посадить его только обещает и обещает, а он до сих пор на свободе.

– Не надо так на брата, он работает, как может. А тебе продолжим напоминать! И я, и отец, и чем чаще, тем лучше, чтоб в печенку тебе въелась эта ошибка. Умнее станешь. И, видимо, редко напоминаем, раз еще одного бандита под крышу взять хочешь.

Пока в Зинину печенку въелось только это бесконечное тыканье носом в неудачное раннее замужество.

– С чего это вы взяли, что он бандит? – резко сменив настроение, с хитрым прищуром спросила Зина.

– А с того! Кто к нам в город с большими деньгами ездит и зачем? Правильно, за ворованным золотом. Не бандит, хочешь сказать? С наличными деньгами?

– Ага, дон Корлеоне! Даже если и за золотом – не значит, что преступник. Он в таком состоянии хоть слово мог соврать? Выходя из комы? На стройке он работал, студент. Попробовали – поехал. Отстегнуть пообещали.

Дядя Герман всем своим видом выразил сомнение. Зина возмутилась:

– Мы оба тысячу раз видели и слышали, как от наркозов просыпаются или из комы в сознание возвращаются, потому не надо пожимать плечами, дядя Гера!

– Где не надо, так ты умная. Часто еще про тоннели света говорят, с лабиринтами в придачу, и про путешествия между мирами.

Зина не обратила внимания на ворчание старого отцовского друга.

– Он точно на стройке работал, я слышала, как областной профессор на осмотре его руки описывал: мозоли, как от лопаты. Пальцы и плечи чистые, без следов от работы с оружием. А я знаю, какие руки у братков, Славку вдоль и поперек изучила, чтоб он провалился!

– Одно другому не мешает, девочка! Милиция его еще не пробила.

– Вот! – Зинаида победно вскочила с кресла. – Я сегодня Сережке звонила, и он сказал: пальцев в базе нет, по фотографии на розыскных не похож!

– Седой наполовину, с бородой и длинноволосый, как хиппи?

– Так его брить никто не стал – не на операцию же. А борода и седина ему идут.

Герман Эдуардович с подозрением покосился на мечтательно улыбнувшуюся девушку.

– Егор, – выплюнул сквозь зубы, – имечко чисто ма-асковское, и выглядит как сектант. Как бы в секте какой не состоял... Смотри, девочка, влюбишься, а он все вспомнит и улетит в свою Москву к жене под бок. Тебе одной драмы мало?

– Не-а, у него следа от кольца нет. Да и молодой больно, и студент.

– Какая глазастая! Ты себя-то слышишь? Разве это доводы!

– А жена бы в розыск подала. Столько дней без связи – не шутка. Я бы точно подала.

– А родители почему не подали?

– С родными можно и не общаться, а с молодой женой не общаться невозможно, – безапелляционно заявила девушка.

– Ну смотри, девка, – Герман Эдуардович навис над столом, – не нравятся мне твои намеки на «женат – неженат», но ты женщина опытная, в мужиках разбираешься... напоминал и буду напоминать! Нечего кривиться! И если бы не твой бывший, который всех нас достал, то поехал бы твой Егорчик в психушку как миленький!

Выразительно помолчал, глядя на Зинаиду сверху вниз, и медленно опустился в кресло.

– На маньяка не похож, – неторопливо вытащил сигарету и не торопясь прикурил. С наслаждением выпустил дым, – в этом плане я за тебя спокоен. Но твои рассуждения о его невинности – курам на смех... Сережке я сам позвоню, вечером зайдет, внушение сделает. Показания заодно снимет. Дело он ведет? Я так и думал. Не знаю, кто хуже: твой Славик

или этот Неизвестный. От обоих неизвестно, что ждать. А Егор этот твой... да, твой-твой, не отворачивайся, мне порядочным показался. Не могу понять почему... Ладно, – затушил сигарету, – забирай его со всеми потрохами.

Зина через стол бросилась дяде Герману на шею.

– Осторожно, своротишь здесь все! Чуть монитор не уронила. Смотри у меня, не балуй! Разобьет тебе сердце, что я Ивану скажу?

– Что я, малолетка озабоченная? Чисто из жалости и для своей безопасности.

– То, что он с мускулами, еще ни о чем не говорит, – продолжил внушение дядя Герман, когда девушка плюхнулась обратно в кресло. – Все кости целы, на теле ни одного шрама. Не бывал он в переделках, но! Сам факт наличия мужика в доме может отпугнуть Славику. Хотя бы на первое время. А там, может, Сергею все же удастся прижать гаденыша. Все, беги за вещами.

– Я уже привезла старые Сережкины.

– В рабочее время?!

– Всего на пять минут, Герман Эдуардович! Я пошла?

– Вместе ко мне зайдите, я выписку с направлением к психиатру дам и внушение от себя сделаю. Да успокойся ты! В поликлинику на прием сходите – и все! Я обязан его туда направить... Подожди, он сам-то к тебе ехать согласен?

Девушка не ответила.

В конце сончаса, в реанимации понятия условного, ко мне подошла Зиночка и легонько толкнула в бок:

– Не спишь, Егор?

– Уже нет. – Я сел на койке.

– Ты знаешь, что тебя в дурдом отправляют?

– А еще мне обещали насыщенный день, но как видишь – тишина, – я решил не разыгрывать перед ней удрученного обстоятельствами человека.

– Это просто твой следователь занят, и с психбольницы чего-то задерживаются. Должны были приехать.

– Ничего, я подожду. Мне торопиться некуда.

– Ты чего такой спокойный? Вспомнил все? – спросила с тщательно скрываемым разочарованием.

– К сожалению, нет. Просто я по жизни неунывающий.

– Это хорошо. То есть плохо, что не вспомнил... – Зина совсем запуталась.

– Ты попрощаться подошла или как? Если что, то я очень благодарен тебе за заботу, за уход, за лечение. За все. Надеюсь, скоро свидимся.

– Нет, я не за тем. Вернее, за этим... – девушка никак не могла сформулировать мысль.

– Смелее, я на все согласен, – подбодрил смутившуюся девушку. Честно скажу, она мне понравилась.

– Видишь ли... – она все еще не решалась что-то мне предложить, и я уже начинал догадываться, что именно. – Там тебя током лечить хотят. Слышал про электросудорожную терапию?

– Когда у бедняг слюни бегут и суставы выворачиваются? Видел по телику.

– Ты же не помнишь ничего?

– Исключительно о себе. Продолжай.

– Ты не боишься?! Из тебя же растение сделают!

– Мои проблемы. – Я пожал плечами, едва сдерживая усмешку.

– Хорошо. Давай так. У тебя родные или знакомые в городе есть? – последнее предложение протараторила, как из пулемета.

– Не помню. А сюда кто-нибудь обращался? Городок, как я понимаю, маленький.

– Никто не обращался. Скорей всего, никого у тебя здесь нет. Слушай, ты хочешь избежать психушки и бомжатника? – и, не давая мне вставить слово, снова выпалила: – Поживи пока у меня, хорошо?

У меня как гора с плеч. Наконец-то! Начало гениального плана летело к чертям, но оно и к лучшему.

– Обеими руками «за»! Сразу предупреждаю: я не сплю с малознакомыми девушками, пусть и симпатичными и трогавшими меня за разные члены, – глупо пошутил я, запоздало прикусывая язык. Дернул же черт ляпнуть эдакое.

Зиночка серьезно обиделась:

– За кого ты меня принимаешь?! Я исключительно из жалости, а ты! Езжай-ка ты лучше в дурдом!

– Постой! – Я остановил развернувшуюся девушку. – Извини дурака, я совсем не то имел в виду. Просто... сама понимаешь, предложение уж больно неожиданное.

– Ладно, забыли, – легко согласилась она. – Но чтоб больше таких намеков не было. Пойду договорюсь, а ты посиди тут.

Можно подумать, я куда-то убегу в больничной пижаме. Ха! Я же и виноват остался, будто сам напросился.

Ждать пришлось почти до ужина. Живот немилосердно урчал, я мечтал о целой тарелке невкусной больничной каши, на которую в лучшие времена даже не глянул бы, когда в палату заглянула Зина и позвала меня в коридор.

– Вот вещи, – сказала, показывая на обычную китайскую сумку с рынка, – переодевайся, я отвернусь.

В небольшом тамбуре никого не было. Проглотил с языка шутку о том, что она меня голым сто раз видела, и быстро переоделся. Вещи были не новыми, но чистыми и добротными. На размер больше и выше по росту. Все лучше, чем малые. Джинсы подвернул, ремень затянул, рубаху заправил, кроссовки большие, но сойдет, и накинул ветровку. Болтается, как на вешалке, но я не на бал иду. Я в принципе готов был напялить даже свой последний эгнорский костюм, в котором спускался в самое логово чернокнижников, к их Главному алтарю; туда, где ежедневно, стабильно, как на лучшем конвейере мистера Форда, совершалось несколько человеческих жертвоприношений. По часам, без суеты, размеренно. Тогда мы с командой замаскировались под местных магов Смерти, под некросов. Те сапоги, серые суконные штаны, аналогичные куртки с капюшоном в современных российских реалиях смотрелись бы весьма карнавально. Не говоря уже о поясах с кинжалами и саблями. Но мне было все равно, лишь бы выбраться из надоевшей больницы. Кстати...

– Хм... а где мои вещи? Я же одетый был. Или?..

– Или. Тебе что, не говорили? – Звучавшее при этих словах удивление быстро сменилось пониманием. – Ну да, ты же только очнулся. Так вот, Егор, ты практически трупом был. Я старательно изобразил недоверие.

– Я не вру, серьезно. Ты на дороге голый валялся. Слава богу, одному дачнику приспичило ночью домой возвращаться, он и подобрал. Не один, конечно, но это не важно. Вез, думал, ты еще жив, а дежурный врач в приемнике обругал его чуть ли не матом: зачем, мол, трупы сюда тащить! Хорошо, что в ту ночь у нас в реанимации Сергей Александрович дежурил – серьезный мужик, въедливый до занудства. Он еле-еле у тебя дыхание определил и пульс редкий, нитевидный. А давление по нулям было. Потом анализам твоим поражался... Ну, ты готов?

– Так это... – я изощренно тупил. Рассказ меня заинтересовал, захотелось услышать продолжение. – Ну, диагноз. Или как там у вас...

– Да диагноз, диагноз! – нетерпеливо перебила меня Зина. – Никто не знает. Телесных повреждений не обнаружили, а кровь на токсикологию не брали. За нее, извини, платить надо, а ты по категории бомжей шел... идешь. Траванули тебя, однозначно, и хватит об этом! Организм у тебя крепкий, справился. Ну и мы чем могли – помогли. Жизнь свою вспоминай и тех уродов, которые дрянью тебя угостили, тоже вспомнишь. – Последнее предложение пробормотала себе под нос, как любят поступать вечно занятые мамочки, комментирующие поведение собственного чада, занимаясь при этом совершенно другим делом. – Все! Крутанись. Нормально, – оценила Зиначка, придирчиво оглядев меня с ног до головы. – Это вещи брата, он крупнее тебя. Зайдем к заведующему – и свободны.

Герман Эдуардович попугал всевозможными карами, мол, следит за каждым моим шагом, выдал выписку из истории болезни и направление к психиатру в поликлинику.

– Им полис не нужен. Зина, глаз с него не спускай. А ты запомни – она моя племянница, – сказал эдак очень весомо.

Я решительно кивнул. Понял. Осознал. Несу ответственность.

– Спасибо вам за все, Герман Эдуардович, – искренне поблагодарил я, выходя из кабинета.

Солнце спряталось за легким облачком, не плотнее гипюра, словно кокетка вуалью прикрылась: узнаю ли? Дунул свежий ветерок, поднял легкую летнюю пыль и толкнул на меня, будто приветствуя шутливо: заполучил? Где ты шляешься, бестолочь? Я вздохнул полной грудью – и вдруг накатило. Знакомые с детства запахи асфальта, автомобильных выхлопов, камня, земли, бетона; шум транспорта, обилие кричащих звуков современного земного города свели меня с ума. Отвык я от этого. Голова закружилась, замелькали эгнорские и земные образы, вперемешку. Лиза, укоризненно качающая головой...

Боль от сильных пощечин привела меня в чувство. Щеки горели. Зинины удары были хлесткими, умелыми. То ли медицинский навык, то ли опыт личной жизни. Я стоял на больничном крыльце, спиной наваливаясь на закрытую дверь, спасшую меня от падения. Голова моталась из стороны в сторону. Взгляд наконец сфокусировался на женском лице, зашедшемся в крике. Постепенно уловил смысл.

– Очнись! Очнись же, Егор! Господи, неужели я рано тебя забрала?!

– Все нормально, Зина. Просто голова закружилась на свежем воздухе, – откликнулся я, ловя ее руку. – Залежался. Все, я в порядке, больше не бей.

– Точно? У тебя глаза стали стеклянными.

– Все, прошло уже. – Для наглядности я проморгался. – Не стеклянные?

– Теперь – нет, – вынужденно согласилась она, но продолжала смотреть недоверчиво. – Ты... точно в порядке? Больница пока рядом.

– Точно в порядке. Пойдем. Нам куда?

Зина оценивающе посмотрела в мои глаза, посомневалась и, решившись, предупредила:

– Смотри, здоровье – твое. Нам на стоянку. Вон моя машина, синий «рено». Иди за мной.

Я шел за девушкой и переваривал случившееся. Я вернулся. Окончательно. Нет, конечно, не окончательно. Мой дом – по-прежнему Эгнор, и я стремлюсь туда всей душой, но и здесь я перестал почувствовать себя в гостях. Там, где Лиза с будущим ребенком – «Дом-один», а здесь «Дом-два». Согласен, сравнение неудачное, реалити-шоу испоганенное. Но, может, в этом что-то есть? Там нравы старомодные. Альфонсы и содержанки, кабацкие девицы и работницы домов терпимости в Эгноре, конечно, имеются. Только все это порицается. Разумеется, любовниц и любовников влиятельных аристократов в общество допустить

могут. Но никогда они не станут своими. Их спины будут гореть от насмешек. А в маленьких городах и селах еще проще: побьют.

Сев в водительское кресло, Зина вытащила сигарету:

– Ты не куришь?

– Нет.

– А я закурю.

– Ради бога.

Мы поехали. Я с удовольствием вдыхал запах сигаретного дыма и наслаждался скоростью аж шестьдесят километров в час! Быстрее здесь не разгонишься. Сидел и удивлялся себе: курить не тянет, а запах дыма нравится. Никогда не любил водить, а сейчас до зуда в руках хочется почувствовать упругую твердость баранки, утопить педаль газа. Нестись вдаль, ни о чем не думая. Как все вокруг ново! И старо. Соскучился? Несомненно. Я заново открывал для себя родную Землю.

Не заметил, как прибыли.

– Ты что, уснул? – спросила Зина, выходя из машины. Мы всю дорогу промолчали.

– Нет, задумался, – ответил я, закрывая дверцу. Осмотрелся. – Это твой дом?

Мы находились в частном секторе. Дома из бруса или бревен разной степени сохранности, зашарканные деревянные тротуары с обеих сторон дороги. Все утопает в зелени ранеток, черемухи, ирги и других неизвестных мне деревьев. Где дико разросшихся, где обихоженных. Улица, как ни странно для такой сельской идиллии, покрыта асфальтом. Не новым, а с трещинами и выбоинами, но все же... За деревянными заборами преимущественно синезеленой расцветки встречались аккуратные клумбы.

Во дворе Зинино дома цветов не было. Были грядки, картофельное поле и небольшая тепличка. Шлакоблочный гараж с давно не открываемыми, подернутыми ржавчиной воротами и сарай неизвестного предназначения. И еще там вилял хвостом здоровенный лохматый цепной пес дворовой породы, грязно-серой масти.

Зина распахнула ворота в заборе, загнала машину, едва не клюнув бампером закрытые гаражные створки, и крикнула мне:

– Подожди, я подержу Шарика. Не смотри, что молчит, – он кусачий.

Я же спокойно ступил на свежескошенную травяную дорожку с узким деревянным настилом, неожиданно для себя потрепал пса за холку и прошел к веранде. Шарик радостно завил хвостом и с преданной надеждой посмотрел мне вслед.

– Ничего себе! Шарик, ты чего это? Признал гостя? – раздался удивленный Зинин голос.

– Меня все собаки любят, – ответил я не оборачиваясь.

А заметил это в Эгноре. И здесь сработало. Эгнор вообще-то не показатель, там многие животные давным-давно были адаптированы к человеку. Собаки, видимо, там были все же натуральными.

Дом из толстого бруса изнутри казался больше, чем снаружи. Три полноценные комнаты, большая кухня и ванна с туалетом. Горячая вода из бойлера и местное паровое отопление от газового котла.

– Прямо коттедж, Зина, не ожидал.

– Это наш, отцовский дом. Папа неплохо зарабатывает. Геолог, драгметаллы ищет. Золото в основном. Вот и этим летом в командировке.

– А мама?

Ответила не сразу:

– Нет ее, умерла. Ты не извиняйся, давно уже. Отец так и не женился.

– Соболезную. Ничего, успеет еще – какие его годы!

– Мы с братом только «за». Опекает нас – жуть! Так, я пошла в душ. На кухне холодильник и газовая плита. Умеешь пользоваться?

– Обижаешь.

– Пельмени свари. Они в морозилке, кастрюля в нижнем шкафчике, – кричала, уже закрывая дверь ванной.

М-да, это тебе не Лиза и тем более не Агна, жена Рона. Вот кто к кухне никого не допускал! Готовила – как священнодействовала. С легкой грустью, глотая слюны от голода, пошел варить пельмени. Выдержал, ни одного без хозяйки в рот не закинул. Зато сразу после нее залетел в душ, быстро потерялся пенной мочалкой под тонкими струями теплой воды; не глядя в зеркало, запахнулся в широкий банный халат, видимо, отца Зины, и выскочил, слушая нетерпеливое ворчание собственного желудка. На кухне меня ждал роскошный ужин из магазинных пельменей и простенького салата из огурцов, помидоров, лука и прочей зелени. «Со своего огорода», – похвасталась Зина.

С голодухи умял все. Самым вкусным оказался салат, а наполовину соевые пельмени с отвратительным тестом старался не жевать, глотал сразу. Не подавился.

За чаем с вареньем Зина рассказала о своей немудреной жизни. Большую часть времени проводит на работе – дежурств много, в двух местах. Что делать – кредиты! Свободное время – огород. Редко вырывается с подругами в ночной клуб или ресторан. Молодого человека не имеет, и я не в ее вкусе. Собаку кормит соседка. Только закончили с чаем, как во дворе радостно гавкнул пес, и через несколько секунд раздался звонок в дверь.

– Это Сережка, брат, – Зина побежала открывать. – Сереж, ты?

– Открывай, я.

Они обнялись в коридоре. На кухню вместе зашли.

Действительно здоровый малый: высокий, плечистый, ни грамма лишнего веса. Брюнет, как и Зина, и похож на нее. Стоят рядом – брат с сестрой, без вопросов. Она ему по плечо. Только черты лица у Сергея были чуточку крупнее, чем у Зины, китайско-корейского типа, и шрам на левой брови. Характерные мозоли на кулаках. Боксер или каратист, и форму поддерживает. Одет в черные джинсы и футболку с непонятной надписью. Кожаную куртку снял в прихожей. В руке держал черную кожаную папку на молнии.

– Сереж, это Егор, Егор, это Сергей, мой родной брат. Старший.

Понятно, что старший, – около тридцати мужику. Протянутую мной руку брат проигнорировал и сел на Зинино место. Отодвинул чашку с недопитым чаем и водрузил на стол папку. Мне ничего не оставалось, пришлось сесть напротив него.

– Ты поужинаешь или сразу за работу? – спросила Зина с иронией.

– Чаю налей, – ответил он, уставившись на меня. – Значит, Егор, говоришь...

Я расслабленно откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. На риторический вопрос промолчал.

– Рассказывай, Егор, откуда ты такой хороший взялся. Официально, под протокол. Я следователь по твоему делу Сергей Иванович Хром. Ты чего это вздрогнул?

Я не просто вздрогнул, я pokrылся испариной. Мысли лихорадочно металась вокруг одной темы: «Господи, это кого же я здесь должен убить?! За что мне все это?! Комес – Закуток, Лизия – Земля, а теперь еще Хром! Первая встречная девушка!» Знаки... кругом знаки... весь воздух пропитался ими. Они назойливо лезли в уши, ноздри, глаза...

– Егор, с тобой все в порядке? – Участливый голос Зины слышался как сквозь вату.

– Все хорошо, Зина, просто накатывает иногда, – ответил я, не задумываясь, а сам давил в себе чувство жертвенного барана.

Глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Успокоился. Решил, что с меня хватит. На все следующие совпадения или новые способности, если таковые откроются, внимания не обра-

щать. В конце концов, подумаешь, Хром! Обычная восточная фамилия. Ну и что, что так же называется графство, в которое формально входит мое баронство. Да просто созвучно, и все!

– Зинка! Не мешай работать! Раз выписали, значит, здоров, об этом мне и дядя Герман сказал. Марш в свою комнату! – грозно приказал Сергей, внимательно следя за мной.

– Вот еще, раскомандовался! На работе у себя команду! – огрызнулась сестра. – С тобой действительно все хорошо? – обратилась ко мне.

– Да, Зина, спасибо. Такого больше не повторится, обещаю.

– Чаю сам себе нальешь, – бросила брату и покинула кухню, при этом сохраняя достоинство царицы.

Как только она вышла, Сергей прямо через стол схватил меня за грудки и притянул к себе.

– Я тебя насквозь вижу, Художник, – презрительно выдавил сквозь зубы, глядя мне прямо в глаза.

В ванной я по привычке перетянул волосы через лоб ободком – невесть откуда взявшимся там шнурком. Наполовину седая борода, посеребренные височные пряди. Действительно художник, каких часто по телику показывают. Никас Сафронов собственной персоной.

– Если ты Зинку хоть пальцем тронешь, я тебя из-под земли достану и яйца вырву. Ты меня понял?

– Понял, – ответил я, вкладывая в голос все возможное миролюбие и даже испуг.

С каким трудом мне удалось унять буквально взывшие рефлекс! А как захотелось размяться! Неделя без движения – врагу не пожелаешь. Удержался и от словесной агрессии.

– Надеюсь, – многозначительно прошипел он. – Смотри, я не шучу, – после этих слов выпустил «мой» махровый халат. – Рассказывай, что помнишь. – Мы снова сидели друг против друга. – Предупреждаю: я таких, как ты, субчиков встречал чаще, чем ты зубы чистил, и лучше любого психолога увижу, врешь ты или нет.

Я рассказал то же, что и в больнице. Пошли уточняющие вопросы: кто, где, когда, с кем и зачем, явки, пароли и все такое. У меня, разумеется, амнезия, поэтому ответы те же.

– Пробьем все стройки, все автобусы, все институты в Москве – найдем. И не надейся прятаться вечно. Дружков твоих подождем. Ты же кинул их с деньгами, верно? Лучше сам колись, пиши явку с повинной. Пока предъявить тебе нечего, кроме трудно доказуемого мошенничества, а после будет незаконный оборот драгметаллов – раз, скупка краденого – два и много еще чего наберется. Мой тебе совет, исключительно из человеколюбия: колись сейчас. Помогу, чем смогу, а могу я многое, поверь на слово. Не в чем сознаваться? Не верю. У каждого есть в чем признаться. Хорошо, распишись здесь и здесь. Подумай, время есть. На, держи, пока я добрый, направление на экспертизу по поводу твоей якобы амнезии. Давно уже у прокурора подписал. Сам сходишь, без конвоя. Цени! Там тебя быстро на чистую воду выведут.

– Сколько можно повторять, Сергей Иванович, я действительно ничего не помню!

– Поймай осла и ему эту басню повтори сколько угодно, а я от тебя устал.

И меня вымотал. Следак натуральный! То, что в кино показывают, – ерунда по сравнению с таким прессом. Знал бы – в натуре рассказал бы. Наверное.

– И вот еще что, если собака залает или постучит кто – ты первый выгляни, не жди Зинку, хорошо?

– Хорошо... – я удивился. – А в чем дело?

– Да так, – Сергей махнул рукой, выглянул из кухни и заговорил чуть ли не в ухо: – Зинка вряд ли расскажет – но она развелась недавно, и ее бывший ей проходу не дает. Домой приходит, угрожает по-разному. На улице, бывает, подкараулит, даже дом грозился поджечь.

Хочет, чтоб вернулась, а Зинке он поперек горла. У меня, сам понимаешь, доказухи никакой, но я его все равно прижму скоро. Понял?

– В общих чертах. Подожди... так она из-за него меня к себе позвала?

Наконец-то у меня в мозгах сложились две двойки. Несуразность приглашения молодого мужчины в дом к молодой женщине обрела кое-какой смысл. А то я, грешным делом, и это обстоятельство занес в «помощь провидения». Хотя... одно другого не исключает. А возможно, она просто втрескалась в меня по уши и нашла повод в виде приставаний своего бывшего. Посмотрим, мне терять нечего. Все равно я отсюда сорвусь. Обязательно найду способ разбудить свои стихии, причем скоро найду.

Сергей не счел нужным отвечать на мой вопрос:

– Зина часто на работе, так что главное – за домом смотри.

– Я могу и сопровождать ее в городе, мне все равно делать нечего.

– А что, и походи, – он заново оглядел меня, более внимательно. – Ты, конечно, парень не робкий, – сказал, откровенно издеваясь, – но главное для тебя – дом. Поджечь поганец реально может. Уяснил?

– Уяснил. Геройствовать не буду.

– Надеюсь на тебя, Егор, – закончил торжественно, словно присягу у меня принял. Хлопнул по плечу и сжал его железной хваткой. – Но я тебя предупредил, – проговорил зловещим шепотом, – из-под земли, понял, из-под земли... Зина, ты где? – позвал Сергей, подойдя к прихожей.

– Я сериал смотрю, а что?

– Я пошел, закройся.

– Захлопни. Эльке привет. Племянники еще не вернулись?

– Слава богу, еще нет, им у бабушки нравится. Закройся, я сказал!

– Егор, закрой дверь за Сергеем, пожалуйста. Мне некогда.

Я хмыкнул и пошел закрывать. Со мной Сергей не попрощался, как и я с ним. Зина предложила посмотреть с ней сериал, я отказался.

– Если хочешь, то в отцовской спальне есть «ящик», включай что хочешь. Там я тебе и постелила. В мою спальню не заходи, там не прибрано! – крикнула, когда я уже выходил. Где чья спальня – не уточнила. Впрочем, блуждать здесь негде.

В комнате я пощелкал каналами, оделся и выскользнул во двор, крикнув Зине:

– Я во дворе проветрюсь, замок на собачку поставлю.

– Только не убегай! – крикнула в ответ. – Подожди, там же Шарик! Ах да. Иди.

На улице было темно и прохладно. Звезд из-за туч не видно. Луна размазалась блеклым серебристым сиянием. Пес подбежал ко мне, лизнул руку и свернулся калачиком возле ног. Я широко раскинул руки, сделал глубокий вдох и... начал разминку. С каким удовольствием я растягивался, отжимался, приседал, бегал, ускоряясь-замедляясь, выполнял упражнения! За полчаса выложился на все сто.

Ускоряться получалось только за счет ресурсов моего улучшенного организма. При активных стихиях, на протяжении нескольких секунд стремительность движений могла достигать такой величины, что воздух ощущался средой плотнее воды. Но и то хлеб. Сомневаюсь, что на Земле есть мастера меча. Да и не собирался я ни с кем драться. Отдохнул немного и начал бой с тенью. Остро ощутил нехватку оружия и лат, как голым мальчиком для битья себя почувствовал. Странно, о пустой ауре так не страдаю, хотя тоже неприятно. Как слепой. Огляделся в поисках чего-либо и нашел грабли. Сойдет. Стал использовать как шест. С шестом я был знаком слабо, ну да ладно. Завтра сделаю себе деревянные мечи.

Когда закончил и прочувствовал время, то вслух присвистнул – целый час тренировался.

Способность чувствовать время я не потерял и еще в больнице перестроил внутренние часы на земные. Эгнорский час оказался на пять минут длиннее земного.

Все, пора на боковую. И тут увидел Зину. Она стояла возле крыльца веранды, укутавшись в теплую осеннюю куртку, и смотрела на меня во все глаза. Как назло, уличный фонарь прекрасно освещал пятачок за гаражом, где я устроил тренировку.

– Что это было? – удивленно спросила она, едва я с ней поравнялся.

– Тренировка ушу. – По-моему, эта боевая гимнастика наиболее походила на курс мечника, если отдаленное сходство можно назвать похожестью. Сужу исключительно из телепередач, на Земле я ничем таким не увлекался.

– Мой брат карате занимается, а такого я не видела.

– Разные школы. Замерзла, поди, пошли в дом.

– Не замерзла, но пойдем. Спать пора. – И я заметил, как она скользнула по мне очень любопытным взглядом.

Я сполоснулся, попил чаю. Зина выпила кефира. Мы перекинулись пустыми фразами и разошлись спать.

Сон не шел совершенно. Кажется, отоспался на неделю вперед. Скользнул свободным сознанием по окрестностям, полюбовался на ниточку Силы, светящуюся в невероятной дали, и, не заметив ничего подозрительного, нырнул в астрал.

Здесь все было по-прежнему. В очередной раз покувыркался в «спящих» стихиях, пытаюсь их разбудить, снова попытался заполнить энергией «резервуар», и снова ничего не вышло – без помощи Краси (стихии Света) и Жени (Земли) процесс создания абсолютной энергии, хоть он и основан на чистой физике, совершенно невозможен.

Кстати, стихий у меня семь. Вернее, я инициирован с семью стихиями. Позже я узнал, что их может быть гораздо больше, в зависимости от экзотичности пространства, но в людских мирах, то есть в годных для обитания существ нашей расы, этими описывается все. Для удобства мага стихии сами собой обретают определенный цвет, для каждого чародея – свой. Мне представились радугой. Красный – стихия Света. Когда в моем личном астральном пространстве мы перешли к полноценному голосовому и видеообщению, то все мои первоосновы (эгнорская наука считает стихии основами и составными частями мира) получили имена. Так как они приняли облики девушек (потакая моим фантазиям, каюсь), то имена я им дал псевдоженские. Свет – Крася (красная). Далее по спектру: Огонь – Оранж (оранжевая), Земля – Женя (желтая), Вода – Заля (зеленая), Воздух – Голуба (голубая), Жизнь – Синя (синяя), Разум – Фиона (фиолетовая). Такая вот поименная радуга. Стихия Земли, если говорить в очень грубом приближении, «отвечает» за массу вещества (или создает ее?) вплоть до элементарных частиц; стихия Света контролирует не только видимые лучи, но и весь спектр электромагнитных колебаний. Поэтому реализация формулы «Е равно Эм Цэ квадрат» возможна только при их участии. Мне придется будить «девочек», пусть для этого Землю придется рычагом сдвинуть!

Попробовал добыть из стихии «нить»... Удача! С двадцатого раза вытянуть жгутик наконец-то получилось. Стоило потренироваться на полную, встряхнуть телесную энергетику, как процесс, что называется, пошел.

В Эгноре, где есть множество Мест Силы, маной буквально брызжащих, на подобной мелочи элементарно не заикливались. А связь между наличием Силы и работой в «астрале», как оказалось, имеется. Хотя вопрос спорный. Удалось же мне во время инициации, еще будучи на Земле, оперировать в личном «тонком пространстве» так ловко, что опытные эгнорские маги позже с трудом поверили, что я – неофит. Так что оставим это. Тем более что Рон всегда видел в этом (в моем невозможно быстром обучении) «руку Творца», а мне упоминание о счастливо-злосчастном «провидении» всегда неприятно. Как неприятно марионетке, если у нее есть мозги, думать о своем кукловоде.

«Вручную», то есть мысленно представляя руки, я сплел «руну-ключ». Эх, мне бы хоть капельку маны! Очень жаль, что она так далеко. Тысячи километров, не ближе. Все чародейские конструкции без Силы – обычные заготовки, по сути, просто красивые узоры, напоминающие скрученные в трехмерном пространстве жгуты-нити-канаты. Обратил внимание на созданный «ключ» – как бы висит в пустом пространстве. Сна не было ни в одном глазу, поэтому я принялся плести наиболее простые заклинания, самые разные одноуровневые плетения. А много я самостоятельно запомнил, оказывается! Немного подумал и решил рассортировать свои разноцветные творения для удобства доступа. Делал это еще примерно два часа астрального времени, которое, кстати, течет быстрее реального. То есть во внешнем мире прошло всего несколько минут. Точнее предсказать невозможно, всегда по-разному. Бывает, что час «там» укладывается в секунды «здесь».

Создал корневые папки по стихиям, вложенные по назначению и по видам. Как это оказалось трудно, когда астрал крайне медленно и неохотно отзывается на мысленные усилия! Все-таки получилось. Например, фаербол оказался в папке «Огонь», во вложенной папке «Боевые» и папке «Атакующие». Прописать какой-нибудь «ярлык» не удалось – без помощи стихий я оказался по сути нулем без палочки. Утрирую, конечно, но...

Маны нет, нет Силы! Вот в чем основная проблема. Нет, когда «девочки» проснутся, я и без маны резервуар заполню, а большего мне и не надо. Надеюсь. Скорей бы просыпались. А если что, то придется добираться до той ниточки Силы. Интересно, что там? Да! С родителями надо связаться, не забыть.

Глава 3

В шесть утра, прекрасно выспавшись, я уже был во дворе. Старые синие спортивные штаны, произведенные – кто бы сомневался – в Поднебесной, были немного великоваты («Сережкины», – пояснила Зина, выдавая их мне вчера), но так было даже удобней. С джинсами не сравнимо. Размялся, нашел черенок от лопаты и сделал два более-менее сбалансированных меча, подточив кое-где ножом. Потренировался всласть. В дом зашел в восемь и застал там заспанную Зину в пижаме.

– Ты чего в такую рань вскочил? – сонно спросила, зевая.

– Я жаворонок. У тебя покушать есть что-нибудь? А то голоден как волк. Быка бы съел. – Тренировка здорово нагнала аппетит.

– В холодильнике все твое, а я пошла в душ.

– Тебе разве не на работу? – прокричал я уже из кухни. – Опаздываешь.

– Не-а, отгул взяла. Сходим с тобой в поликлинику и в милицию.

– Давай в милицию завтра. Я пока еще братом твоим сыт. Да и вообще: я большой мальчик и в одиночку не заблужусь.

Мое мнение было проигнорировано.

– Завтра суббота. – После этих слов дверь в ванную захлопнулась.

– Тебе сколько яиц жарить? – быстро прокричал я, пока не зашумел душ.

– Два, – услышал в ответ. И сразу зажурчала вода.

«Кажется, я понимаю, почему от тебя ушел муж, – задорно подумал я. Настроение с утра установилось замечательное. – Ни накормить мужика, ни помыться вперед пропустить. От меня воняет, как от не знаю кого. От бегемота в жару наверняка приятней пахнет». Я, разумеется, сильно преувеличивал. Мысленно дурачился.

Перед поликлиникой мы заехали на рынок, где Зина, после длительных препирательств, твердо пообещав истребовать с меня деньги, как только они появятся, накупила мне одежду по размеру.

Мне действительно было неудобно. Я пообещал и за продукты деньги вернуть, на что девушка сердито притопнула, как бы говоря: «Да сколько можно! Твой выпендрож меня уже достал!»

Психиатром оказалась объемная женщина в возрасте, с массивной бородавкой на шее. Она переключала внимание на себя, черты лица женщины расплывались. Пиявку, присосавшуюся к кадыку врача, так и манило сорвать. Сходство с червем-кровопийцем усилилось, когда доктор заговорила: гибкий отросток на кадыке зашевелился, будто желая отвалиться, отпасть.

– Привет, Зинаида, – произнесла она покровительственно. Так обращаются к старым добрым, но оступившимся родственникам. – Привела своего Неизвестного?

– Здравсте, Вероника Игоревна. Только он не мой.

– Рассказывай! Вся больница о вас шепчется.

– Сплетни все это! – покраснела девушка. – Будто вы меня не знаете.

– Я-то знаю, а другим рот не заткнешь. Давай выписку и направление.

Этот разговор проходил при полном игнорировании моей персоны. Я прокашлялся:

– Простите, доктор, выписка и направление у меня.

И только теперь Вероника Игоревна обратила на меня внимание. Будто только-только заметила:

– Проходите, присаживайтесь. – Ее голос плавно, почти незаметно изменился, превратившись в спокойный, доброжелательный и даже «всепрощающий». – Дайте мне бумаги.

Я сел на стул напротив ее стола, на котором не было ни карандаша, ни ручки, лежали только карточки и листы бумаги.

– Маша, заполни на него карту. – Врач протянула выписку с направлением медсестре, сидящей в углу кабинета за отдельным столом. – Жалобы есть? – это уже мне.

– На потерю памяти, и все.

Как меня зовут, какой сейчас год, сколько мне лет, где я нахожусь, что помню из детства, помню ли родителей, как сплю, нет ли головных болей... и так далее. Вопросы сыпались, цепляясь друг за друга, их логика была трудноуловима. Я, стыдно признаться, немного запутался. Но линию на амнезию, как сам посчитал, выдержал твердо.

– Я выпишу вам витамины и ноотропы, пропьюте. Возьмите направление к психологу и психотерапевту, это у нас в диспансере, Зинаида объяснит. Еще вопросы есть?

– Так сколько ему лет писать, Вероника Игоревна? – встряла в беседу медсестра.

– Пиши «двадцать пять», правильно? – ответила та, глядя на меня с тщательно замаскированным вниманием.

Я пожал плечами:

– Кажется. У меня еще вопрос. Вот, от милиции на экспертизу направили – это к вам? – Я вытащил из внутреннего кармана летней куртки направление и передал врачу.

– Молодой человек, – поморщилась она, – это не так просто делается. Пройдете обследование у психолога, психотерапевта и только после этого на комиссию, а ее еще собрать надо. Попейте таблетки, сходите к специалистам, и через неделю – ко мне. Тогда и решим вопрос с комиссией. Мне еще и с главным это вопрос обсудить придется.

– Спасибо, всего доброго.

– До свидания, молодой человек. Зинаида, задержись на минутку, а вы в коридоре посидите.

Ждать пришлось минут двадцать. Я подсмотрел свободным сознанием: врач ей что-то втолковывала. Зина сначала оправдывалась, а под конец вспылила. Вероника махнула на нее рукой. В буквальном смысле.

У магической практики свободного сознания есть два серьезных недостатка. Во-первых, «бесхозное» тело, которое внешне напоминает спящего в неудобной позе человека, остается практически беззащитным. Убивай не хочу. Во-вторых, для шпионских нужд оно далеко не идеально. Вместо разборчивой речи слышится какой-то сумбур, тогда как остальные звуки, не несущие смысловой нагрузки, различаются прекрасно. Вместо карт с топографией и координатами видится откровенная галиматья, не говоря уже о надписях. Каракули обезьяны несут больше смысла! Вроде, кажется, буква. Знакомая, как «любимый» заусенец на ноге. И такая же противная: мешает, болит, а избавиться не можешь. И ножницами, и щипчиками, и зубами хватаешь в конце концов, то есть пытаешься вспомнить значение столь красиво начертанных линий, тебе, несомненно, известных, а никак! Поначалу бесит. Потом привыкаешь.

Моя личная теория по этому поводу такова: свободное сознание не воспринимает так называемую вторую сигнальную систему – один из важнейших признаков нашего отличия от животных. То есть речь, ее производные и прочие абстракции. В ответ на это мое утверждение мой друг и учитель Агнар, маг-теоретик, скептически пожал плечами, но не оспорил. Своего мнения, которое он считал бы лучше моего объяснения, у него попросту не было.

Зинаида выскочила из кабинета раскрасневшаяся и, не глядя на меня, буркнула:

– Поехали.

В машине нервно закурила.

– Егор, если у тебя тайны, то не рассказывай, я пойму, но не обманывай меня! Я больше всего это ненавижу! Все что угодно могу простить, только не ложь. Признайся только мне,

я никому не скажу. Ты... выдумал амнезию? – сказала, умоляя, глядя прямо в глаза, с затаенной болью во взоре.

Боль где-то там, в глубине, тщательно скрываемая, становящаяся от того особо острой. Пристально прищуренные веки, за которыми ярко-карие радужки лишь только угадывались, усилили сходство девушки с типичной японкой. Или корейкой. Ой, повторяюсь.

Я не отвел взгляд.

– Я не вру, – произнес отдельно, как можно более честно. – Мою жизнь словно перевернуло. Да не словно, а точно! Будто я умирал и родился заново.

Ответил завуалированной ложью, и от этого меня чуть не вывернуло наизнанку. На душе кошки скребли. Гигантскими стальными когтями. Обманывать доверяющего тебе очень мерзко. Словно в дерьмо залезаешь. Окунаешься с головой и плаваешь всласть. Но не в дурку же идти, с рассказами о другом мире и магии? До больницы, конечно, скорей всего не дошло бы, но уважение в глазах Зины потерял бы точно. И ей было бы больно. Думаю, большее, чем от обмана. Пусть несколько дней или недель до моего отбытия побудет счастливой...

Зина облегченно выдохнула и уперлась лбом в баранку. Улыбнулась. Длинный столбик пепла с сигареты упал на пол. Она этого не заметила.

– Я так и знала, я была права! А она мне: мышление связанное, эмоции адекватные, мимика-моторика, жесты-шместы, жмурится-хмурится, глаза гуляют или стынут; он, дорогая моя, совершенно здоров. Симулирует, будь с ним осторожна, Зиночка, – пародировала, кстати, довольно похоже. – Что, говорю, так совсем-совсем не бывает при амнезиях? Она сразу замялась. Бывает, говорит, но очень редко. Когда-то, где-то она читала, что были единичные случаи полного здоровья при амнезии. Но в ее практике у всех обязательно сопутствующие симптомы были. Короче, она тетка прагматичная и в сказки, в отличие от меня, не верит. Но я была права! – Зина победно стукнула рукой по многострадальной баранке. – Прокатимся с ветерком! Ты как?

– Я «за»! – весело согласился я с натянутой улыбкой. В этот момент я себя ненавидел.

Можно было признаться, можно! Толстая тетенька-врач влежку меня вычислила, как учительница – нашкодившего детсадовца! Но главное, она сказала Зине, что я здоров! Убедительно доказала. Зина бы после этого мне поверила. Теперь поздно... или? Нет. Как идет, так идет. Я на Земле ненадолго.

Мы мчались по полупустой загородной трассе, лихо обгоняя все попутные машины. Зина весело щебетала, смеялась, а я так и застыл с маской вместо лица.

– Заедем на «вертолетку»? – дошла до меня ее последняя фраза.

– На что?

– Придорожное кафе, популярное у наших бандюганов, там неплохо кормят. Отметим твоё психическое здоровье. Ты как? Не бойсь, днем там никого не бывает.

– Давай отметим, я не против. Запишешь на мой счет. – Мне было безразлично. Я занимался самоедством.

Оказывается, от старой доброй интеллигентской рефлексии я избавился не до конца. Надо же... В Эгноре думал, что все мое нежное воспитание сдулось окончательно и бесповоротно, а смотри-ка! Ступил на родную землю – и все возвращается на круги своя. Даже не знаю, как к этому отнестись.

Она весело рассмеялась:

– Вот и дождалась кавалера! Запишу.

В здание заходить не стали, пристроились в открытом летнике под тентом.

Стояла совсем не августовская жара. Кроме нашего, были заняты два столика из шести, по виду – дальнобойщиками. Зина заказала шашлыки, кафешка ими славилась, и разных

салатиков с закусками. Себе взяла минералку, мне – безалкогольного пива: «Тебе еще в милицию за справкой. Без бумажки ты кто? Правильно. Вечером выпьем».

– Откуда ты так здорово в психологии разбираешься? – спросил я между делом, жуя действительно неплохой шашлык.

– Не лести мне, ни бельмеса я в ней не смыслю.

– Откуда тогда «мышление», «эмоции» и чего еще там?

– Запомнила, что Вероника Игоревна говорила. У меня память на слова хорошая, а смысла я до сих пор не понимаю. И пародировать умею, заметил?

– Ага, здорово. А у меня память фотографическая: что увижу – с первого раза запомню, – похвастался я в ответ, практически не думая.

– Вот это да! Так мы два уника! Давай за это выпьем! – Мы шутливо чокнулись высокими стеклянными стаканами.

Она искренне, я вымученно. Все с той же натянутой улыбкой, которая ко мне приклеилась.

Из здания кафе в летник вышли четверо крепких, коротко стриженных молодых людей, одетых, несмотря на жару, в расстегнутые короткие кожаные куртки. Они заняли соседний столик. На двоих были массивные золотые цепи «привет из девяностых».

– Верка, неси быстрее, щас с голоду помрем! – крикнул самый маленький из них и повернулся к остальным. – Ну че, пацаны, отметим это дело! – выпалил с жаром, в предвкушении потирая руки.

Зина с досадой поставила стакан на стол.

– Принесла нелегкая! Как чувствовала – не надо было сюда ехать! Собирайся, Егор, обед нам испорчен.

– Подожди, Зина, кто это? – Я сидел к ним спиной и видел квартет только во время их прохода к столику. – Объясни.

– Местная «бригадочка», считают себя крутыми, а на самом деле – шестерки, одни понты. Пойдем, обязательно привяжутся. Ну их, нервы дороже.

– Сидим, – твердо сказал я и накрыл ее руку своей. Гримаса Гуинплена сошла с моего лица. Появились конкретные враги, и вся интеллигентская муть, противно ковыряющая душу, мгновенно схлынула. Я стал самым счастливым человеком на свете. На секунду.

– Егор, не дури. Они все бывшие боксеры и в кожанках не зря. Там кастеты и ножи могут быть. Они беспредельщики, Егор! – Чтобы соседи не слышали нашу беседу, ей приходилось шептать, наклонившись ко мне чуть ли не вплотную.

– Шестерки-беспредельщики – и на свободе? – продемонстрировал я свою киношную осведомленность из жизни криминального мира. И попал!

– Ты точно уловил. – Зина посмотрела на меня подозрительно. Ненадолго задумалась, что-то взвешивая, и решилась: – Понимаешь, Егор, у одного из них папа – председатель районного совета депутатов.

– Должно быть, стыдно ему за сына.

– Слушай, давай потом я тебе весь расклад выдам, а сейчас поехали! Не до шуток, серьезно.

Но стало поздно.

– Толян, ты посмотри, кто за соседним столом! Баба Славика с каким-то педиком! Они че, сосутся, что ли? – раздался голос того, самого мелкого. Едко так сказал, задиристо. Видно, он был у них самым глазастым, горластым и несдержанным.

– Началось, – прошептала Зина и откинулась на спинку.

– Мужики, давайте пить и есть, Славик сам со своей бабой разберется, – прозвучал голос наиболее здравомыслящего. Жаль, не увидел, из чьих уст он прозвучал.

– При чем здесь Славик? Ты мне можешь сказать, Верес? – делано удивился третий голос. В ответ – молчание. – Мы сами должны постоять за честь наших женщин! Кто, если не мы?

Раздался дружный гогот.

– От нападок залетных гомиков! – сквозь смех простонал «мелкий». Хохот продолжился с новой силой.

За время их шутильной перепалки я успел успокаивающе подмигнуть Зине и прямо со стулом резко развернуться к ним. Смех стих.

– Кто-нибудь из вас разбирается в шмотках от Дольче – Габбана? – спросил я у всей четверки и, пока они ошарашенно молчали, вычленил лидера.

Это не сложно, если сам имеешь опыт командования. Им оказался тот самый, который готов был «за честь постоять». Показал на него пальцем и сказал:

– Ты, петушок, в них точно разбираешься. Пойдем, поможешь мне выбрать. – После этих слов я встал и быстро направился к уличным туалетам, постепенно переходя на бег. За сортирами, сбитыми из крашеных досок, виднелась небольшая полянка перед лесом.

Восприятие взвинтилось до предела. Если бы мне в спину полетел нож, я бы почувствовал и увернулся. Без помощи стихий, без всякой магии. Спасибо тебе, Рон, ты был хорошим учителем. Нож не полетел.

После секундной паузы они все, с нецензурными криками, общий смысл которых сводился к обиженно-удивленному выражению: «Ты совсем оборзел, педрило?!» – бросились за мной, совершенно не обращая внимания на окрики Зины:

– Козлы! Вас Славик за это уроет! Егор, беги! Шавки подзаборные, вам только под забором таять! Гомики!

Мой расчет был прост: оскорбишь главного – кинутся все, ни один не отвлечется на второстепенную цель – Зину, а мне не хотелось буянить в кафе. Столики рушить, посуду бить. Зачем?

Меня догнали сразу за нужными каждому человеку постройками, на краю полянки, в десятке метров от леса.

– Стоять, пидор! Все равно догоню и на шнурки порежу! – остервенело проорал главный, Толян.

Я сделал еще три прыжка и нагло развернулся. Достаточно, от кафе и дороги более-менее закрыт.

Братаны приблизились гуськом, с лидером впереди. Толян, с ножом в руке, затормозил метрах в двух от меня. Ему в спину врезался второй, подтолкнув главаря вперед. Я чуть отошел. Толян ругнулся на толкнувшего, и вскоре я был окружен всеми четырьмя. Не бегать же за каждым в отдельности!

– Ты откуда такой шустрый, педик? – задал Толян риторический вопрос, оценивая мои возможности.

Возможно, что-то его насторожило, поэтому с ходу он напасть не решился. Открыл рот, желая добавить что-то еще, но я, увидев бегущую к нам Зину, начал бой.

«Только аккуратней, Егор, не убивай остолопов», – прошептал сам себе, проваливаясь в ускорение.

Ногой выбил у главаря нож и услышал хруст ломающейся кости. Ударную ногу поставил на землю и, используя момент вращения, хлестанул другой нижней конечностью левого от меня братка в челюсть. Хрясь! – порвались новые джинсы. Вовремя падаю на спину, смотрю на пролетевшую надо мной руку со сверкнувшим лезвием и все еще по инерции подсекаю заднего бойца. Поднимаюсь и резко бью правого братка открытой ладонью в подбородок, придерживая левой рукой запястье с тем самым быстрым ножом. Намек на уклонение – почти успевает, но почти – не считается. Поворот налево – и передо мной главарь. Стоит,

открыв рот, придерживает левой рукой болтающуюся кисть правой. Еще работая с задним, я слышал начало его фразы:

– Что за...

Коротким прямым в челюсть не дал ее закончить, развернулся и пнул по лицу почти поднявшегося заднего, самого маленького. Огляделся – все живы, все без сознания. Слава богу. Аура правого, который самый быстрый, была чуть растянута синим ручейком. Интересно. И тут на меня налетела Зина.

Она не бросилась обниматься и радоваться тому, что я жив. Она встала как вкопанная и спросила со страхом, заикаясь:

– Ег-гор, т-ты кто?

Глава 4

Обратно мы ехали не так быстро. Сквозняк из полуоткрытых окон охлаждал разгоряченные Зинины нервы. Меня сквозняк спасал лишь от удушливой жары, мои нервы были спокойны. Я сорвал злость и теперь неторопливо вспоминал события.

Тот живчик с задатками мага Жизни меня чуть не достал! Его звали Верес, вернее, Верещагин Александр Сергеевич, двадцати лет от роду – подсмотрел в правах. Он и был тем единственным здравомыслящим в четверке. Фанатично занимался различными единоборствами, пока не связался с Толяном, боксером и сыном того пресловутого «председателя районного совета депутатов», а по совместительству главы одной из криминальных группировок. Отец сына до «больших» дел не допускал – сынок умом не вышел. Зина просветила меня не только в этом, но и во многих других вопросах.

Я не стал отвечать на вопрос, кто же я, а крикнул:

– Ты медсестра или нет? Быстро проверь, все ли живы.

Она очнулась и бросилась к пострадавшим. Я же занялся мародерством. Аккуратно, чтобы Зина не видела. Она смотрит одного, я шарю другого. Забирал только деньги и оружие – ножи и кастеты. У всех были солидные кожаные портмоне, я их протирал от пальцев и вкладывал обратно в карманы.

– Все живы, просто без сознания, – облегченно сказала Зина, – даже крови нет. Так кто ты все-таки? – спросила уже спокойней.

– Не помню! Тело вот вспомнило, как те тренировки во дворе, а голова – нет. Не хочется думать, что был убийцей. Нет, это решительно невозможно!

– Слушай... – задумчиво протянула она, садясь на траву. Похоже, Зина очень хотела мне верить. – Я слышала, что бывают такие амнезии, когда человек хочет что-то забыть и забывает, а стресс ему только помогает в этом. Тебя отравили, и ты подсознательно воспользовался этой причиной. Значит, ты давно хотел забыть что-то неприятное, тягостное для тебя. Может, захотел завязать, и отравление тебе в этом помогло. Точно! – Для уверенности девушка хлопнула ладонями по земле. – Совершенно точно, я чувствую! – воскликнула, подтягиваясь на руках. Лицо ее засияло. Но глянуть на меня все равно опасалась.

Мы все обманываться рады! Она совершенно упустила, что я мог хотеть забыть убийство родного отца, или изнасилование собственной матери, или... да мало ли мерзкого творят маньяки!

– Не знаю, Зина, – тоскливо произнес я, с сожалением пожимая плечами.

Сама, Зиночка, сама убеждайся...

– Да ты сам подумай: они все живы и даже не покалечены. Кроме этого, – показала на распухшую кисть главаря. – Перелом обеих костей предплечья, но так ему и надо. А ты мог бы их всех убить, я видела. Голыми руками мог, но сдерживался.

– И что это значит? – спросил я, не скрывая надежды, всем своим видом показывая заинтересованность, причем именно в положительном ответе.

– А то, что я снова права! Ты не хочешь убивать! – заключила абсолютно убежденно, гордая победой. Будто Берлин только что взяла.

Радостно вскочила, подпрыгнув, как пятилетняя девочка, и наконец-то повернулась ко мне. От торжественного выражения лица, лучащегося счастьем, мне стало неудобно. И немного стыдно. Даже не немного: совесть куснула-таки. Я попытался ее остудить:

– Ты же говорила, что в психологии ни бельмеса?

– Можно подумать, ты про такое не слышал! Все сходится: у тебя сохранились знания и навыки, ты лишь не помнишь исключительно свою жизнь. Я права?

– В общих чертах – да. Ладно, хватит психоанализа, пора убираться отсюда. Я прав? – передразнил Зину.

– Точно! Пойдем быстрее, рассчитаемся в кафе и уедем.

– Они милицию случайно не вызвали? – спросил я уже на ходу.

– Туда позвонят в самую последнюю очередь.

– Почему?

– Расскажу в машине.

Кафе принадлежало отцу Толяна, «авторитету» Седому, в миру Седулину Виктору Леонидовичу, председателю законодательного собрания района. Он полностью седой, не такой, как я, так что прозвище не только благодаря фамилии. Кафе и ночной клуб – не основной его бизнес.

Вторая группировка, «сельские», или попросту «деревня», возглавлялась натуральным вором в законе Семой Паровозиком. Хотя больше современным, чем истинным, у которых ни кола ни двора за душой не должно иметься; «наш» Паровоз давно семьей и хозяйством обзавелся. Славик, ее бывший, являлся бригадиром одной из бригад «сельских». Собственно, поэтому Зина и знала криминальную подноготную. Отношения между «седовскими» и «сельскими» были мирно-натянута-конкурентными. На мой резонный вопрос, откуда в таком задрипанном, не в обиду будет сказано, городке столько организованной преступности, последовал резонный ответ: «Так на золоте живут и на лесе, да зоны рядом, многие выходят и здесь оседают».

Воровство, с ее слов, на фабрике процветало. Прокуратура, суд, милиция, опять с ее слов, были прикормлены. Нет, Сергей – редкое исключение. Надо же кому-то жуликов ловить, мелких наркодилеров и всякую другую шушеру, которой всегда хватает. Люди боятся вякнуть – можно пропасть с концами, а громких случаев, способных привлечь столичные власти, не допускали сами группировки: оба лидера дружили с головой. Местную властную элиту такое положение вполне устраивало, отбиваться приходилось только от проверяющих из центра.

Когда девушка все это рассказывала, у меня волосы дыбом стояли. Неужели в моем родном, довольно крупном городе Центральной России, такая же катавасия? Ни о чем подобном не слышал. Студентом, от бескормицы, пару летних каникул подрабатывал «челноком», возя сигареты, которые мой товарищ доставал в соседнем регионе по дешевке; торговал ими на рынке и как-то обошлось без дани. Но братков, похожих на нынче избитых мной отморозков, наблюдал там с избытком. Почему лично ко мне не цеплялись – загадка, а добровольно я взятки давал исключительно гаишникам. Тогда, помню, пресса шумела о заказных убийствах, воровстве миллиардов, повальной коррупции, правда, без указания конкретики, а теперь – тишина. Телевизор, разумеется, не показатель, ему верить – себя не уважать, но жизнь-то – видно, как изменилась. Даже кухонные споры «за политику» стали другими, без прежнего накала, когда чайник, казалось, мог вскипеть без электричества, исключительно от бурления нервов. Это не девяностые... А как же Сан Саныч с его мутной конторой?

Как я ему благодарен! Его работник застрелить меня пытался, а я лишь теплые чувства о нем храню. До сих пор в голове не укладывается, зачем руководитель аудиторской (так он представился) организации подослал убийцу? Что такого тайного в его конторе, если ради жалкого телефонного номера там готовы лишить человека жизни? Нет в этом логики. Мы не в Бондиане, и я не сверхсекретный шпион. Сто раз прав был Рон, когда, разбирая факт моего попадания в Эгнор, говорил о вмешательстве Творца: без «провидения» ничего подобного произойти не могло. Разлад с женой, недельное пьянство, увольнение с работы, появление загадочного Сан Саныча, и, словно по волшебству, мне попадают бумаги давно репрессированного профессора, ученика академика Вернадского, со своим полным творческим переосмыслением идеи о сферах, которые в его интерпретации превращаются в маги-

ческие стихии. В старой, пожелтевшей папке было полное описание инициации к ним с приложением подробнейшей схемы, как это сделать практически. Без колдовства не обошлось определенно, причем теперь я понимаю: его могущество было заоблачным, на уровне божественной игры вероятностями. Даже в Египте, куда мы с женой ездили по обычной путевке, сувенир – пирамидка с записью сознания древнего эгнорского мага – дался мне в руки не случайно. Тот маг, или «оператор пси-поля», как они называли себя в далекие времена, до глобальной катастрофы, слизнувшей с лица Эгнора прежнюю высокоразвитую цивилизацию, до сих пор сидит у меня в голове, явно не проявляясь. Разве что высокая скорость обучения магии была его заслугой, да снился мне иногда тот, прежний Эгнор, напичканный техномагическими устройствами. Но как не хочется об этом ведать! Не о ново-старых открытиях, конечно, а о влиянии на меня «провидения».

Ну да бог с ним. Богам, как говорится, – богово, а людям надо думать о делах земных...

Интересно, как там «мой» Сан Саныч? Всего три недели прошло. Ищет меня или бросил? Милиция точно разыскивает: тот гопник в парке, который пытался меня ограбить, умер определенно. Сам наблюдал, как от его тела душа отлетала. Вот тоже, кстати, случай: ударил я не сильно (тогда еще не умел), он упал, и бордюр чудесным образом нашел висок злодея. Из страха перед тюрьмой я и создал портал в иной мир, хотел сбежать куда подальше. И нисколько не жалею! Перед душой грабителя, правда, каюсь. Наказание все-таки было несоразмерным...

Как я далек от криминального мира! Был. Теперь, думаю, придется немножко напрячься. Вряд ли сегодняшнее событие останется без последствий. Зина со мной согласилась. Какими они будут, она не знала и очень жалела, что не увела меня из кафе. А больше корила себя за то, что в принципе туда поехала. Я же ни о чем не сокрушался.

Скорей бы стихии просыпались! Ау, девочки! Кажется... зашевелились?! Еще чуточку и... неужели драка на них подействовала? Или... контакт с Вересом? Отыскать его, что ли? Ладно, поживем – увидим.

Кастеты и ножи выкинул по дороге. Все, кроме одного, вересовского. Зачем-то оставил себе этот складной нож зоновского производства. Сталь была неплохой. Деньги, добытые честным трудом (нечего было лезть), большей частью передал Зине. Она нахмурилась, поморщилась, покачала головой, но взяла. Брезгливо, двумя пальцами. Словно купюры были то ли кровью, то ли дерьмом испачканы. Выбросить, однако, не выбросила. Не дочь Рокфеллера. Теперь на первое время нам хватит...

«Нам?!» – я удивился этой мысли. Но почему-то не ужаснулся. Надеюсь, Лиза меня простит.

Перед милицией пришлось заехать за новыми джинсами. Мои, сегодня купленные, порвавшись вдоль всего паха, нескромно полыхали трусами. Зина, пряча смешливый взгляд, заявила, что штаны починке не подлежат.

Дежурный ГОВД показал мне кабинет. Там скучала женщина в звании лейтенанта.

– По какому вопросу? – грубо спросила она. Как и любой проситель, для нее я был виновен по определению.

– Я за справкой, документы потерял, – коротко изложил я самую суть дела, стараясь говорить как можно более уверенно.

– Вам в паспортный стол, – сказала, сухо проконстатировав факт, и перевела взор на экран монитора, на котором, готов дать руку на отсечение, пасьянс «Паук» только-только начинал собираться.

– Я неправильно объяснил. Я приезжий. У меня амнезия. Я не помню свою фамилию, а документы утеряны. Дело заведено, расследование идет. Вышестоящим начальством вам должна быть передана заверенная следователем выписка, с целью выдачи мне справки

об утере документов. – Говорил медленно, желая быть убедительным. К тому же, для большей понятливости, использовал непривычные канцеляризмы.

Женщина отвлеклась от экрана и наконец-то полностью сосредоточилась на мне. Раздражение, облегчение, досада или иные эмоции на ее лице не читались. Сухой канцелярский робот.

– Фамилия.

– Я же сказал – не помню.

– И как, по-вашему, я должна искать дело?

– Не знаю, – я растерялся.

– Вот кто передавал, тот пусть и ищет. До свидания.

– Подождите, девушка, – это я ей польстил, – где и кого мне искать? Сергей Иванович сказал, что я могу получить справку у вас.

– Сергей Иванович? Хром?

– Да-да, – я решительно закивал, – он самый. Я в деле Неизвестным обзываюсь.

– Что ж вы мне голову морочите! Так бы и сказали – Неизвестный от Сергея Ивановича!

Присаживайтесь.

Я устало опустился на стул. Всегда не любил чиновничьи кабинеты. «Неизвестный от Сергея Иваныча» – звучит! Оставалось лишь иронизировать над теткой.

Женщина порылась в шкафу и вытащила тонкую картонную папку-корочку, на которой от руки было написано: «Неизвестный». Открыла, стрельнула взглядом по содержимому и спросила:

– Какую фамилию писать?

Я задумался...

– Комес, – неожиданно сорвалось с языка.

– Что – комес?

– Вы спросили фамилию, я сказал Комес.

– Вспомнили? – удивилась она. Наконец-то на ее лице нарисовалась эмоция. – Тогда вам в паспортный стол.

– Если бы! – выдохнул я с сожалением. – Само всплыло. Не Ивановым же, в самом деле, обзываться, – выкручивался, как мог.

Женщина смотрела на меня подозрительно.

– Обычно мы «Иванов» и пишем. Или «Неизвестный», есть такая фамилия. Вспомнил? Признавайся!

– Может, действительно вспомнил и не осознаю. Может, прозвище. Пробейте ее! – Возмущаясь, я кивнул на монитор компьютера, используемый совершенно не по назначению.

Лейтенант, как ни странно, успокоилась:

– Мне все равно, как назвать тебя в этой справке, она ничего не стоит, документов по ней не выдадут. Сергей Иванович все правильно оформил. – Словно в подтверждение своих слов, постучала пальцем по закрытой корочке. Теперь она обращалась ко мне на «ты», видимо, сама того не замечая. – Пробьем, не переживай, я все запишу. Вы, художники, странные люди, – закончила совсем не по теме.

Я промолчал.

– Фамилия?

– Комес.

– Имя?

– Егор.

– Отчество или второе имя, если они есть в ваших национальных традициях?

– Ронович.

– Как?

– Ронович, от имени Рон.

Женщина покачала головой и, презрительно и в то же время сухо пробормотав: «Художник», – увековечила на Земле имя моего погибшего эгнорского друга и первого учителя.

«Обязательно памятник ему поставлю, когда вернусь. Как обещал», – пронеслась в голове мысль. Далеко не впервые.

– Фотографию принес? Бородатый. Не положено, но сойдет. Распишись. Нет, не твоя это фамилия – расписываешься неуверенно.

– Но вы все равно пробейте!

– Кому напоминаешь?

Женщина расписалась сама, шлепнула печать и протянула мне справку:

– Действительна месяц. После – только через суд. Понял? Свободен.

– Спасибо. До свидания.

– Лучше не надо.

В коридоре мы с Зиной рассмотрели этот мандат.

Справка, удостоверяющая личность, выданная в связи с утерей документов.

Комес Егор Ронович 198х года рождения.

Моя фотография, подпись, печать.

Справка выдана 17. 08.20хх Закутокским ГОВД Кутинского района ...ской области.

Годна до 17.09.20хх

И ниже крупными буквами:

ДАННЫЕ О ГРАЖДАНИНЕ ЗАПИСАНЫ С ЕГО СЛОВ. СВЕДЕНИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНЫ.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! И куда я с ней?

Я понимал, что документы мне в общем-то не нужны. Не важно, насколько я задержусь на Земле, я спокойно могу прожить и без них, даже в той же тюрьме: убраться в Эгнор можно с любого места. Но что интересно, и на это я обратил внимание: там, в средневековом магическом мире, справки и другие удостоверения личности были не в ходу, людям как бы верили на слово, и я воспринимал это как должное; здесь же, на родине, без бумажки мне почему-то было неуютно. Любопытный выверт подсознания, связанный с воспитанием в нашем насквозь бюрократизированном мире.

– Ты что, все вспомнил? – испуганно спросила Зина.

– Нет, – я огорченно покачал головой, – к сожалению. Само всплыло, а расписался неуверенно. Идем отсюда.

Глава 5

– Домой, только домой, – приговаривала Зина, ведя машину. – Ты выпить хочешь? Я ужасно хочу! Коньяку. Ну и денек... У меня до сих пор руки трясутся.

Заиграл мобильник.

– Да! Не, Лидок, не могу. Не могу, и все, занята, – ее голос звенел от раздражения. – Ты в своем уме? Кого ты слушаешь?! Подруга называется! Да, завтра дежурю. Все, мне некогда, я за рулем, пока. – Бросила трубку и с досады стукнула по баранке. – Вот что значит бабский коллектив, у всех языки чешутся!

– Про меня?

– Больше про меня.

Я не стал уточнять, и так ясно.

От коньяка Зину повело. После наскоро выпитой стопки она приготовила закуску, и мы продолжили снятие стресса. Девушка налегала на напиток и много курила, я почти не пил. Вскоре возникли пьяные разговоры, перешедшие в рыдания. И жизнь тяжелая, и с мужиками не везет, и снова с бандитом связалась, и как не хватает мамы, и все в таком роде. Плакалась мне в жилетку.

– Зина, у тебя Интернет есть?

– За кого ты меня принимаешь?! Конечно! Не хуже чем в вашей Москве!

– А где компьютер?

– У меня ноутбук. В моей комнате. Но тебе я его не да-ам, – сказала, хитро покачивая пальцем перед моим носом, – у меня там мои маленькие женские секреты...

– Поставь пароль на себя и открой гостя.

– Да??? А так можно?! Не-э, ты хитрый, пароль подсмотришь...

– Не буду, честное слово!

– Я не умею, – вздохнула девушка. – Давай завтра, а? Я такая пьяная...

– Неси бук, я тебе помогу.

– Что?

– Ноутбук принеси на кухню, я помогу на него пароль поставить.

– А ты умеешь?! Я сейчас... это интересно... и меня научишь, – прокричала уже из спальни.

«Что-то долго ее нет», – подумал я, вздохнул и пошел в ее комнату.

Зина в домашнем халате лежала на заправленной кровати и мирно спала. Ноутбук призывно стоял на столе. Я накинул на девушку конец покрывала и вышел, не взяв компьютер. Не хотелось обманывать девочку еще и в этом. Секретики у нее, видите ли...

Выключил радио, оравшее чуть не на полную, провел полноценную тренировку и завалялся на кровать. Телевизор смотреть не хотелось, отвык. Погулял по астралу. Девочки действительно зашевелились! На меня пока не реагировали, но скоро проснутся окончательно, чувствую! Сумерки плавно перешли в ночь, и я заснул.

Проснулся мгновенно, от тревожного предчувствия. Потолок спальни ярко освещался автомобильными фарами. Не думая, скользнул сознанием во двор. Мужик под тридцать с намечающимся брюшком открыл калитку и, слегка пошатываясь, не торопясь пошел по дорожке к веранде. Пес тихо тявкнул и завилял хвостом. Мужик остановился возле него. Машина тихо урчала. Я заглянул в нее – пусто. Внимательно разглядел ночного визитера, давно догадавшись, кто это. Чем-то он походил на Сергея, только потолстевшего: такой же здоровый, черноволосый с короткой стрижкой и... еще чем-то труднообъяснимым. Самое обычное типично славянское лицо с крупными чертами.

Сидя на корточках, он любовно трепал пса:

– Соскучился, Шарик? Хозяйку небось редко видишь? Извини, старик, скоро еще реже видеть будешь. Заберу я ее отсюда, силком заберу, раз сама не хочет, запомни мои слова, псина ты эдакая. На вот тебе колбаски. – Я слышал эту речь через открытую форточку обычными ушами. Свободным сознанием эти же слова воспринимались как бульканье испорченного радиоприемника.

Славик, неудобно раскорячившись, вытащил из кармана домашних эластиковых трико кусок копченой колбасы и сунул ее псу. Шарик аккуратно взял лакомство. Бывший муж Зины встал, поскользнулся на траве (он был обут в домашние тапочки), с трудом, пьяно взмахнув руками, удержался и с криком: «Зинка, открывай, муж пришел!» – направился к дому.

Пьяный вопль порвал ночную тишину, как крепкую ткань, – с треском. Куски материи хлопнули по ушам, глуша все звуки.

Я мгновенно вернулся в тело. Быстро натянул Серегины треники и с мыслью: «Не дай бог, Зину разбудит», – выскочил на улицу.

Мы столкнулись возле распахнутых дверей веранды. Его глаза не успели округлиться, как я с силой толкнул его назад. Он упал, пару раз перекувыркнулся и ловко поднялся, для пьяного неожиданно резво. Застыл возле пса. Тапочки куда-то улетели. Глаза Славика типично по-бычьи за секунду налились кровью.

– Убью, – сквозь зубы прошипел он, и в это легко верилось.

– Шарик, взять, – скомандовал я.

Пес вздыбил шерсть, оскалил клыки и злобно зарычал на Славика.

– Да я тебя, – замахнулся бывший муж на новую угрозу.

Шарик прыгнул, вцепился в руку и повалил человека на тротуар. Большой пес с силой мотал руку вместе с тяжелым телом, не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары.

– Пусти, падла! – вопил Славик.

Я заткнул человека ударом в челюсть.

– Шарик, фу. Молодец, хороший пес, – похвалил, потрепав кобелю загривок.

Он сел и, тяжело дыша открытым ртом, преданно посмотрел на меня.

Я отволок вырубленного Славика к машине и полусидя прислонил к задней двери с водительской стороны. На его правую руку страшно было смотреть: рваные вывернутые раны, сочащаяся из них темная кровь. Проверил кости – целые. Заживет, кровопотеря небольшая. Жаль, аурной диагностикой владею в самых общих чертах. Сорвал со Славика майку и обмотал ею руку. Сойдет. Похлестал по щекам. Глаза стали медленно принимать осмысленное выражение.

Когда он окончательно пришел в себя, я слегка ударил его под дых. Славик согнулся и схватился здоровой рукой за живот. Я за волосы поднял его голову. Как трудно это оказалось сделать! Пришлось буквально щипать за короткие волосы. Ничего, так больнее.

– Слушай ты, урод, если подойдешь к Зинаиде Ивановне ближе, чем на десять метров, я тебя убью. Ты меня понял? – проникновенно прошипел я.

Он посмотрел на меня с такой лютой ненавистью, что не повидай я ранее и более тяжелые взгляды, то кровь застыла бы в жилах. Наверное.

– Да пошел ты... колдун...

С чего бы это? И тут я представил: ночь. Улица. Фонарь. Аптеки, простите, нет. Я стою над полулежащим человеком, который видит голого по пояс длинноволосого бородатого полуседого мужика, склоненного над ним. Седые пряди ниспадают на лицо, глаза горят. Это я образно. Не хватает еще вспышки молнии и грохота грома. Собака опять же, кинувшаяся на хозяина.

Я захохотал. Негромко, но как можно более демонически. Славик вздрогнул. Я резко прервал смех и зловеще прошипел:

– Езжай лечись, пока я душу твою не выпил.

Он испуганно вздрогнул, дернул правой рукой и скривился от боли. Посмотрел на пропитанную кровью тряпку, недавно бывшую майкой, и застонал. Развернулся и левой рукой, неуверенно скользя пальцами по непослушной ручке, открыл водительскую дверь. Мне пришлось выпрямиться. Вдруг меня как током ударило.

– Замри! – скомандовал ему.

Он замер. Я отошел на пару шагов и демонстративно сел в позу лотоса. Быстро выскочил свободным сознанием и буквально пропахал машину насквозь. Есть! Над рулевой колонкой, под приборной панелью был скрыт хитрый ящичек с пистолетом внутри, с воспе-
тым в сагах о благородных киллерах легендарным ТТ. Патрон в стволе, обойма в магазине и рядом запасная. Славик уже отошел от испуга и медленно потянул левую руку в сторону ящика.

Я вскочил, одним прыжком оказался рядом и хлопнул его по кисти:

– Ай-я-яй!

Щелкнул замком и забрал пистолет с обоймой. Снова склонился над своей жертвой, едва не касаясь губами его уха, и опять зловеще прошептал:

– Со мной шутить нельзя...

Славик, воя от страха и злости, вскарабкался в машину. Прогазовал, воткнул левой рукой заднюю скорость и только после этого яростно выпалил, выглянув в открытую дверную форточку:

– Я тебя пришибу, колдун, и Зинку тебе не отдам ни живой ни мертвой, – сказал, впро-
чем, не особо грозно, скорее для собственного успокоения, и сразу, с пробуксовкой, рванул задним ходом. Развернулся, с секунду постоял, переключаясь, и с визгом шин ушел в точку.

Хорошая у него машина, шустрая. БМВ из дорогих. По-моему, семерка, но... я не специалист.

Не отступит. Бычья упорность, упертость, честь, стыд, любовь, в конце концов, не по-
волят. Да и марку перед пацанами держать надо. Надеюсь, постарается завалить меня лично, помощи у своих не попросит. Так что пусть пока лечится, а там...

И тут ребром встает вопрос: если я на днях отбуду домой, то как же Зина? Славик не отстанет...

По пути к дому потрепал Шарика, гоня от себя неприятные мысли:

– Спасибо, друг. Честно говоря, я сомневался: вдруг не послушаешься? Но ты послу-
шал. Интересно почему?

Пес преданно смотрел в глаза, всем видом отвечая: «Неужели не ясно?»

– Представь себе, пес, не ясно. «Девочки» спят... ну да ладно, спасибо еще раз. А кол-
басу доешь, она вкусная. Это ничего, что из рук врага, именно эту – можно, но больше
от него – ни-ни. Ясно?

Шарик в ответ гавкнул. Ясно, мол.

В спальне я засунул предварительно разряженный трофей под подушку и долго воро-
чался.

Цепочка «случайных» совпадений сложилась, очередной «квест», похоже, опреде-
лился. До чего же мерзкое это «провидение»! Я чувствовал, что стихии вот-вот проснутся
и тогда дорога в Эгнор, куда меня тянуло чуть ли не физически, как наркомана к дозе, откро-
ется. Однако уйти я не решусь. Пусть Зина как-то жила и до меня, пусть у нее брат – следо-
ватель, а значит, защитить сестру и от бывшего мужа, и от мести сегодняшних отмороzków
теоретически он способен. Но в том-то и дело, что только теоретически: мне совесть не поз-
волит оставить ее на произвол судьбы. Но как все-таки со стороны «провидения», которое,
по словам Рона, и есть Творец всего сущего, все это мелко! Подло даже. И как воротило
от необходимости геройствовать, кто бы знал...

«Сразу надо было убить поганца...» – мелькнула досадная мысль, и я погрузился в пучину сна. Сожаление, впрочем, было несерьезным, грех на душу брать не хотелось.

На тренировку, несмотря на короткий сон, чтобы успеть в душ первым, я встал пораньше. Но снова опоздал.

– Я завтракать не буду, – заявила Зина, зайдя на кухню с обмотанными полотенцем волосами, – я только кофе. Фу, ну и навонял, меня от одного запаха мутит.

Пахло обычной вкусной яичницей.

– Ты чего так рано? – поинтересовался я.

– На дежурство к восьми, времени в обрез, – ответила, глотая горячий кофе. – Я вчера ничего такого не наговорила? – поинтересовалась осторожно, заранее испытывая чувство раскаяния, готовясь либо извиняться, либо защищать свою неправую позицию.

– Нет, Зин, все нормально, – я старательно избегал шуток и намеков. – Разрешешь мне попользоваться Интернетом?

– Конечно! Бери ноутбук. Нет, я сама его тебе принесу. У меня вай-фай, проводов не надо.

– Спасибо.

– Да не за что... – Зина вдруг задумчиво нахмурилась. – А-а-а ночью... ты хорошо спал?

– Как младенец. А что? А! Если ты о своей чести...

– Да иди ты! – ругнулась она беззлобно и поспешила в свою спальню.

Бук передала уже будучи полностью одетой и накрашенной. Когда успела? Волосы высушить, наложить макияж и одеться – не шутка. Конечно, Лиза собиралась еще быстрее, но она и косметикой почти не пользовалась. А вот Ольга Ивановна, моя первая, помню, копушей была страшной. Лучше на работу опоздает, чем ненаштукатуренной из дома выйдет.

– У тебя там ничего секретного нет? – уточнил, беря компьютер.

– Я что, в ЦРУ работаю? Но ты все-таки сильно не ходи по моим документам, хорошо? Там фотографии могут попасться – не очень. Не хочу.

– Не буду, – честно ответил я. – Кстати! Я, надеюсь, не под домашним арестом?..

– Ах да! – Зина хлопнула себя по лбу и метнулась в комнату. Быстро вернулась и протянула ключи. – Держи, разберешься. Все, я побежала.

– Счастливо!

Девушка развернулась на пороге.

– Мой сотовый на телефоне записан, – сказала, кивая на городской аппарат. – Пока!

Только после ее ухода я пошел в ванную.

Интернет порадовал своей пестротой. Как я по нему соскучился! Походил по сайтам, тупо разглядывая яркие картинки, не читая. С удовольствием посмотрел смешные ролики. Поохотал от души. Тянул время перед неизбежным. Вдохнул-выдохнул и зашел в почту.

Писем было не очень много, ожидал большего. Ах да, здесь же и месяца не прошло. От друзей и тем более спам проигнорировал. Те, прежние мои интересы стали казаться мелочными. Смотреть сообщения о новых «неимоверно крутых» программах, о легких, самых верных способах заработать «не выходя из дома»; читать приглашения на пикник, на встречу по поводу какой-нибудь даты, обращать внимание на чужое бахвальство и прочие глупости от «друзей», которые по сравнению с теми, с обретенными в Эгноре, были в лучшем случае «товарищами», не хотелось совершенно. Вот наконец родительские.

«Сынок, напиши, позвони, свяжись. Куда пропал? Мы тебя любим!» Ком подкатил к горлу, сердце защемило. Как и я вас люблю, родные мои, и соскучился неимоверно!

Еще письма. То же самое. Опять похоже. А вот новое, успокаивающее: у нас все хорошо. Как же! Мечетесь, не зная куда приткнуться. Вот лично от отца... ага, ага... стоп!

«Был у тебя дома, смотрел по твоему компьютеру кино. Ничего не понял, но мне понравилось. И зачем ты на него почти весь винчестер убил? Сегодня приходили из милиции, ищут злодея, который в парке какого-то парня угробил. Говорят, похож на тебя, но я-то тебя знаю, ты не мог. А что пропал после этого – это просто совпадение, правда? Ответь, когда сможешь, а лучше не отвечай, я и так в тебя верю. Ты у меня самый умный и все понял».

Нет, это ты умный! Спасибо, отец. Так, посмотрим в местной прессе. Есть! Во время драки в парке погиб подросток. Ничего себе подросток! Разборки скинхедов. Хм, так даже лучше. Следующая дата. Другая статья. Есть подозреваемый в убийстве скинхеда. Объявлен в розыск. В интересах следствия имя не разглашается. Я в розыске, как и предполагал. А пальцы? Меня наверняка в больнице откатали... надо будет у Зины уточнить, пусть она у Сергея проконсультируется. А это что за... «убит скинхед-сатанист»?!

Я чуть на пол не сполз. А я-то голову ломал, почему на Земле отделяющуюся от тела душу я увидел, а в Эгноре мог наблюдать отлет души исключительно от чернокнижников, в момент гибели. Оказывается, и здесь я нарвался на типа, отдавшего свое посмертие (сам того наверняка не ведая) в руки... кого? Сатаны?! Чушь! Там был мелкий божок, Вартараар, который питался душами собственных жрецов так же, как и их жертвами, причем предварительно, перед употреблением, обрабатывал душу в каком-то демонском мире, а Сатана – это... вроде и не бог вовсе. Антипод какой-то.

Да, боги существуют. Но они любят проявлять себя явно – хлебом не корми! Они иначе не могут, по Эгнору выучил. На Земле, насколько я знаю, ничего подобного не наблюдается... Или? Надо в церковь сходить, посмотреть: благодать сходит на прихожан – не сходит?.. Сегодня же. На эту, как ее... обедню. Главное, на молитву попасть.

Вызвал такси. Предварительно пришлось выйти во двор, чтобы посмотреть номер дома и название улицы.

Церковь была маленькой, старинной. Фрески, иконы, царские врата пред алтарем, свечи. Народу мало. Преобладали старушки. Одна на меня цыкнула за что-то. Священник зычным голосом читал нараспев молитвы на церковнославянском. Я, глядя на всех, крестился в нужных местах молитвы, кланялся и ждал прихода благодати. Когда уже потерял надежду, дождался. Священник в последний раз пробасил нараспев: «Ами-и-инь», – перекрестил всех, и сверху нас накрыла легчайшая светло-серая пелена. Нет, больше подходит «покров»: она медленно и ласково, точно покрывалом, именно накрыла всех людей в храме. Ответный отток энергии не последовал. Я внимательно прислушался к ощущениям: на душе стало легче и... все.

Никакого сравнения с молитвой Спасителю: там я чувствовал радость, чуть ли не до эйфории. У других похмелье снималось или исцелялись недуги, неподвластные магам-целителям, но это очень редко случалось и всегда на глазах у других. Бог словно хвастался. Могущество демонстрировал, мол, смотрите, как я могу! И энергию души, некоторые теологи называли ее праной, забирал в ответ на каждую благодать – я видел. Правильно высказывался о Спасителе Рон: «Подлый мелкий божок, строящий из себя добряка только лишь для того, чтобы люди к нему тянулись, кормили его. Не только после смерти, но и при жизни частью своей души лакомили». Исключительно в близком кругу говорил, потому что было чревато. Ересь в наших раздробленных государствах, объединенных, по сути, одной лишь общей церковью, преследовалась жестоко. Служители Спасителя и деятельность магов старались отслеживать, потому как чародеи (особенно древние, знания которых усиленно разыскивались) могли противостоять Силе Спасителя, коей некоторые монахи наделялись.

Итак, что мы имеем? Да ничего. Вернее, два воочию подтвержденных факта: во-первых, Бог у нас есть; во-вторых, он «работает» скрытно. Надо будет еще в мечеть на намаз сходить. Да, пелена, сошедшая с рук батюшки, по цвету напоминала ту, которая вылетела от меня во время разгона «Шествия Спасителя», но только по цвету. Других общих свойств я

не нашел. Еще... что-то важное... точно! Скрытно – значит, практически без явной помощи. И что?.. А с Сатаной как быть, если он есть? Он вроде как падший ангел, до Бога далеко... Эх, надо было Библию почитать!..

– Молодой человек, вы так долго крестик выбираете, может, вам помочь? – спросила женщина за прилавком на выходе из храма.

– Что? – переспросил я и обнаружил себя стоящим перед лотком с крестиками, иконками и свечами.

– Вы крещеный?

– Да.

Меня окрестили в детстве под влиянием новой моды. Серьезно о вере я никогда не задумывался.

– Вот этот, пожалуйста, – показал на первый попавшийся серебряный крестик на обычном шнурке.

– Они все освященные, – привычно сказала женщина, подавая мне крест, – храни вас Господь.

– И вас. До свиданья.

Крестик я тут же надел и снова обратился к женщине:

– А где можно записать имя за упокой?

– Я и записываю, – достала тетрадь, – говорите имя.

– Рон.

Записала точно, не переспрашивая. «А ведь в святцах его нет, – удивился я, но промолчал. И засомневался. – Откуда мне знать? Может, есть».

– Еще?

– Нет, спасибо.

– В ближайшую заупокойную его помянут, не переживайте. Он там, – женщина кивнула наверх, – будет очень рад.

– Надеюсь, – пробубнил я, отсчитал деньги, – спасибо, до свиданья.

– Храни вас Господь.

Уже выйдя из храма, я поймал себя на том, что думаю об этой женщине. Какой-то она показалась мне странной...

«Нет, это от голода. Где тут можно перекусить?» – с этой мыслью и со спокойным сердцем отправился искать заведение общепита. Я испытывал редкое для себя чувство умиротворения.

Нашел неподалеку от церкви кафешку, пообедал и задался извечным русским вопросом: «Что делать?» Не в глобальном смысле (это и так ясно – домой в Эгнор быстрее возвращаться, неизвестно еще, как поступит время при обратном прохождении портала: вдруг там годы пройдут? Все возможно), а в чисто конкретном – чем заняться?

К Зине домой, к Инету вернуться? Неохота в доме сидеть. Решил погулять по городу. Купил дешевый мобильник. Надо было видеть лицо девицы, когда я показал свою справку. Позвонила менеджеру, но симку все же продала. Я мило улыбался и следил за ней с нескрываемым интересом. Она смущалась. Сел на скамейку на бульваре и стал тупо изучать настройки. Позвонить можно было только Зине. Я автоматически запомнил ее номер, когда такси вызывал. Ну и родителям... нет, пока не время. Симка засветится, и вообще... «Маму не хочу расстраивать... – оправдал я собственное малодушие. Что я им расскажу? Месяц терпели, еще потерпят. Отец вон понимает...»

– Простите, разрешите присесть на скамейку? – услышал я знакомый молодой мужской голос и оторвался от телефона. Верес! Собственной персоной.

– О! Мы вежливые слова знаем? – ответил я, незаметно озираясь. Взвинтившееся восприятие молчало: особого внимания ко мне не проявляли, движения вокруг были относительно неторопливыми.

В который раз пожалел о спящих «девочках» и отсутствии силы. Ни «нормального» чувства опасности, ни сторожки, ни щитов, ни «нормального» ускорения. Снова почувствовал себя незащищенным.

– Я один пришел.

– Садись, коли пришел. А как ты меня нашел? Только не говори, что случайно встретил.

Не гнать же его? Тем более он тогда меня заинтересовал, высказывался против драки. Правда, чуть не подрезал, но... если честно, мне было скучно.

«Ого! Ничего себе, у него аура, как у начинающего ученика магии Жизни, откуда?!» Скуку как рукой сняло. Я даже вздохнул полной грудью, будто свежий ветер глотнул.

– Я с утра за Зининым домом следил, – признался он, уточняя: – Один, без приказа.

А я ночью обещал себе быть настороже! В первый же день прокололся. Не выйдет из меня Бонда. Как я раньше жил без магии? Удивительно.

– Седой, это отец Толяна, в ярости. Но он с кондачка ничего не делает. Сейчас через милицию вас пробивает. А Толян сказал, что так ему и надо, умнее будет.

– А он поумнеет?

– Горбатого могила исправит, – брезгливо ответил Верес.

– Ты понимаешь, что только что предал своих друзей? – спросил я в лоб и посмотрел ему прямо в глаза.

Верес отвел взгляд. Смутился:

– Не предавал я. Это не секретно, и не друзья они мне. Понимаете...

– Стоп! Прежде чем исповедоваться, ответь: зачем я тебе нужен? – сказал я, чеканя каждое слово.

Парень помялся и выдал на одном дыхании давно обдуманную фразу:

– Станьте моим тренером! – Увидев мои удивленно поднятые брови, быстро продолжил: – Вы двигались очень быстро, я не успевал за вами уследить. Меня легко вырубил, а я начеку был. После я обдумал ваши действия: вы уводили нас от Зинки, простите, Зины. Специально Толяна оскорбили, чтоб мы все побежали. Никто не рискнет остаться, если старший догонять бросился.

– Ты пытался меня убить.

– Я защищался! Когда вы Толику руку сломали и Мокрого уронили, я подумал – насмерть. Вот и ударил. А так не собирался, зуб даю! Наоборот, я хотел Толяна остановить. Я и раньше его останавливал, а то он совсем псих. По-моему, Седой за этим меня к нему и приставил.

– С трудом верится.

– Я правду говорю! Мы с мамой три года как в Закуток переехали. Из Крупинска. Там для мамы работы совсем нет, – он все-таки начал исповедь. – Я здесь в колледж поступил на механика горно-обогачительного оборудования и в секции карате и самбо пошел. А дома ушу с боксом занимался.

– Всем сразу?

– Здесь да, они в разные дни идут, а дома сначала боксом, а потом ушу. Кхм, – кашлянул и, немного подумав, продолжил: – В секции меня Седой и приметил. Тогда я не знал, кто он такой на самом деле – депутат, и все. Предложил поработать в его охранном агентстве, я согласился. Вот, до сих пор работаю, – последнее сказал, криво усмехаясь.

– Не нравится, что ли?

– Нет. Поначалу вроде как понравилось: долги выбивать, с барыг за крышу бабло брать – святое дело. Деньги свои появились, человеком себя почувствовал. А потом пару раз

пацанов за просто так избили и чуть не зарезали – они Толян не понравились. Я его тогда еле остановил, чтоб не насмерть. А в последний раз девчонку по кругу пустили. Не проститутку, насильно...

И выдавил из себя:

– А я... просто ушел. Но что я мог сделать?! – сокрушился, сжав кулаки до белизны костяшек, и с надеждой посмотрел на меня.

– Уйти совсем, – подсказал я, пожимая плечами. Элементарный же выход.

– Как?! Оттуда так просто не вырвешься!

– У вас прямо мафия, – усмехнулся я с издевкой.

– Конечно, – твердо сказал Верес. – Если уходишь – докажи, что не расскажешь, а это кровью повязаться надо. Иначе – везде достанут.

– Неужто везде? Седой киллеров по всей стране нанимать станет?

– Зачем? У него связи в ментовке и у блатных по всей России. Найдут обязательно! Тогда он кого-нибудь из своих пошлет. Говорят, у него спецы есть – любого киллера за пояс заткнут. Да и куда я поеду?

Я позволил себе усомниться. Отдавала его речь каким-то мальчишеством, со страстью к тайнам. Или сериалом.

– Так он у вас Аль Капоне! Если не круче.

– Да, – убежденно подтвердил «мафиози». – А та девчонка мне по ночам снится, – почти прошептал, смыкая веки.

Я сидел расслабленно, с закинутыми за спинку скамейки руками. Думал. Вернее, ни о чем не думал. Неохота было влезать в местные дела, но уже увяз по уши. Странная аура у парня опять же интересовала.

– Допустим, стану я с тобой заниматься. Как на это твое начальство посмотрит? И все равно тебе из вашей «мафии» уходить придется, и я тебе в этом не помощник.

– Начальство не узнает, – оживился фанат единоборств, – а уходить... не знаю. Я любому отсюда сваливать решил, только не думал так скоро. А меня могут и просто так отпустить, я ничего секретного не знаю.

Сам себе противоречит: свидетель группового изнасилования, где замешан сын босса, – не секретные сведения? Вроде не глупый, но пацан пацаном или... не хочется думать, что подослан.

– Что ты знаешь про Славика? – спросил, сам от себя того не ожидая.

– Зинкин муж?

– Бывший.

– Разве? Пацаны Зину его женой считают. Не в обиду вам. Так, сплетни разные ходят о том, что злится на свою бабу, вроде как поссорились и разъехались.

– Конкретно о нем: кто, чем занимается, характер.

– Откуда я знаю, чем занимается? Он под Паровозом ходит. Бригада у него. На стрелки ездит. Что интересно, у всех его пацанов джипы, а он один на простом бумере. Наши его жадным считают, на бензин, мол, тратиться жадничает. Вроде все.

– Характер, – напомнил я.

– Безбашенный он, злой. Боксом занимался, перворазрядник. Выше бы поднялся, если бы голову не терял. Говорят, на ринге дуром пер, о защите забывая. Будто пелена ему на глаза падала. Но в удары вкладывался и соперников садил часто. Себе на уме, ни с кем толком не общается. Всегда со стволом ездит. А! Он собачник! На собачьи бои своих питбулей куда-то в другую область возит.

– Ну вот, хоть что-то. – Теперь слово «колдун» стало еще понятнее. Натравить пса на собачника – чудо. То, что упертый, – плохо, что не общительный – хорошо, в одиночку станет действовать, как я и предполагал. Тем более – развод в секрете держит.

– Хорошо, с этим Славиком с грехом пополам разобрались. Как думаешь, что он примет...

– Если о вас с Зиной узнает? Прибить может. И вас, и Зину. Я так думаю.

Я помолчал, барабанил пальцами по спинке лавки.

К сожалению, придется в местные дела углубиться. Если Славик такой, каким его описал Верес, то оставлять Зину тем более нельзя... Но как не хочется в эти дразги вникать! Так же мерзко, как в банку с пауками лезть. Надеюсь, это последнее задание «провидения», чтоб ему пусто было...

– Ответь еще на один вопрос: ты, случаем, не экстрасенс?

Верес вздрогнул. Глаза вылезли из орбит. Потом он отстранился и уставился в землю. Сказал со злостью:

– Посмеяться хотите?

– Ни в коем случае! Наоборот, мне интересно, с чего это у тебя началось и в чем проявляется, – сказал как можно серьезнее.

– Серьезно?! Вы верите!?

– Более того, я сам экстрасенс. – Этой фразой, произнесенной железобетонным тоном, я его добил.

Парень вскочил, походил туда-сюда, успокаиваясь; сел. Поборолся с собой, вороша пятерней волосы, решаясь чуть ли не на самую интимную откровенность, и начал рассказывать, все еще подозрительно на меня поглядывая – не засмеюсь ли.

– Когда я на ушу перешел, то тренером у меня стал Равиль Шамсутдинович. Он в Китае это искусство изучал, много техник медитации оттуда привез и не только гимнастике учил. Даже не столько связкам, ударам, упражнениям, как управлению энергией «ци», а для этого и нужны медитации. Мне больше всего понравилась техника «созерцание мира». Это надо в тайге сидеть и просто наблюдать. За травой, деревьями, муравьями. Слушать пение птиц, ощущать, как ветер шумит, дышать правильно. Объять все, что видно и слышно, что чувствуется кожей и что ловит нос, объединить мысли, открыться миру, впитать его в себя и себя ему отдать.

Парень говорил все вдохновеннее и вдохновеннее, впервые рассказывая о самом главном. Он уже не поглядывал на меня так открыто, как в начале речи.

– Попытаться слиться со всем окружающим, стать одним целым с ним. Тогда мир примет тебя. Ты станешь быстрее, сильнее и ловчее. Что удивительно – мир действительно помогал, но не всем. Как карта ляжет. Это мне тренер так объяснял, я не сам придумал, – оправдался для большей убедительности. – Мне флеш рояль выпал, – выдал, не скрывая гордости, и, будто опомнившись, смутился. – Мастер так сказал, он любил покер.

Верес расслабился, видя, что я не улыбаюсь, удобней устроился на скамье, закрыл глаза и продолжил:

– Однажды лес меня за своего принял. Это было красиво, офигеть как! Вокруг всех живых букашек и деревьев увидел их оболочку. Она переливалась всеми цветами, и я как в натуре полетел – такая легкость во всем теле! Потом это прошло, но я действительно стал быстрее и выносливее, особенно когда в лесу помедитирую. Мастера иногда побеждать получалось...

Верес с сожалением вздохнул:

– Он уже планы на меня строил, а нам пришлось уехать. В Закутке ушу нет, пришлось на карате идти.

Парень замолчал. Он ждал моей реакции на сказанное и не решался сказать еще что-то важное.

– Смелее, Саша. Вижу, что это не все.

Он кивнул и с облегчением продолжил:

– Я ауры, это те оболочки так называются, в момент опасности вижу. У вас тогда она была очень яркой, почти слепила. Никогда такой не видел. Собственно, это основное, почему я вас разыскал... не разыскал, это не сложно было, а подошел. Теперь все. И конечно, приемы у вас необычные, и скорость. Но главное – аура. Вы – такой же, как я, – закончил он утвердительно.

– Спасибо, что не убил, – сорвалось с языка. На самом деле я думал о другом.

– Да испугался я! – с отчаянием возопил Верес.

– Не кричи, и так люди обращают на нас внимание, – сказал я задумчиво. – Понял я. Помолчи, дай подумать.

Как я раньше не догадался! В Эgnore леса – естественные аккумуляторы силы Жизни, иначе – маны, преобразованной для использования стихией Жизни. Оказывается, они не просто форматируют сырую ману, то есть общую, если можно так сказать – естественную, но и сами ее вырабатывают. Впрочем, как и все остальные живые существа, только лес – это огромная фабрика. Нет, целый комбинат! Мне надо просто зайти в ближайший и потянуть ману. Синя (моя стихия Жизни) проснется и остальных разбудит. Надо в лес, срочно! Стоп. Маги могут делиться Силой, а рядом со мной... человек с запасом маны Жизни в ауре, и он ничего о ней не знает, а значит, не может ею управлять, в том числе и удержать не сможет. Ну-ка...

Было немного стыдно, но, в конце концов, не жизненные силы забираю! Да это и невозможно без искреннего согласия донора или без ритуала жертвоприношения, и там она с силой смерти смешивается, и душа может отдать часть праны...

«Стоять!!! О чем я думаю?!» Я мысленно вздрогнул. Вроде обычные рассуждения, но... я не знал этого раньше!

Побледнел, покрылся холодным потом, во рту пересохло.

– Что с вами?! – воскликнул Верес.

Я успокаивающе поднял руку. Сердце потихоньку переставало ломиться наружу, кровь возвращалась на периферию.

Стоило подумать о воровстве силы – иначе не назовешь, как мысли скатились к жертвоприношению. Наследие Вартараара, больше неоткуда взяться этим знаниям. Сволочь он. Отомстил так отомстил. Слава богу, желания резать не возникло. Господи, помилуй! Поневолле взмолишься. Что-то я религиозный сегодня, пора завязывать. Все, воровство отменяется, иду в лес. Больше никаких таких мыслей!

– Смотри-ка, вечереет. Семь вечера. Расходиться пора, Саша.

– Ну... да. А-а... когда мы встретимся?

– Созвонимся, – я покачал телефоном, окончательно успокоившись, – делай звонок.

– Вы мое имя в правах подсмотрели, когда деньги забирали? – поинтересовался Верес, не отрываясь от набора номера.

– Ты поразительно догадлив, друг мой. Надеюсь, без претензий? Это не грабеж, это честно заработанные трофеи.

– Что вы, какой базар; что я, не понимаю?.. Вы были в своем праве.

– Вот и славно. Расходимся. Не следи за мной больше, хорошо? – одновременно подписал вызов: «Саша».

– Заметано! Я позвоню.

– Звони, когда найдешь место для занятий. Я, сам понимаешь, не местный. Время любое. Разумеется, не ночь. До пятницы я совершенно свободен. Да, меня Егором зовут.

– Найду обязательно! До свидания. – Он смотрел в телефон, но даже в профиль я заметил его глаза, сверкнувшие радостью.

– А отчество? – спросил, забив имя.

– Ронович.

– Как? – недоуменно переспросил Верес.
Я не стал повторять. Мы разошлись.

Глава 6

Как бы сильно ни тянуло в лес, с бульвара я заскочил в магазин за продуктами и дома приготовил наконец нормальный ужин: свиные отбивные по-грудски, фирменное блюдо Агнара. Некоторых специй не было, но я их с успехом заменил местными магазинными. На гарнир, не заморачиваясь, отварил спагетти. Посыпал тертым сыром – смак! На соус прекрасно подошел кетчуп. Завтра Зину порадовать, много наготовил. На закате отправился в лес.

Недолго думая выбрал ближайший к Зининому дому сосновый бор, буквально в десяти минутах ходьбы. Высокие ровные деревья стояли просторно, почти без подлеска. Землю сплошным ковром застилал брусничник на мягком мху, изобилующий красными и недозрелыми белобокими ягодами. Словно жемчуг рассыпали: где густо, где пусто. Масса тропинок, несколько свежих костровищ на удобных полянках со сваленными, отполированными частым сидением стволами деревьев. Пустые бутылки, консервные банки, бумажки, пакеты и другой мусор бросались в глаза как нечто чужеродное, мерзкое. Мертвые пятна, убитые части живого организма. Лесу было больно. Он страдал и обижался, я чувствовал. Аура в таких местах бурлила недовольством, была насыщена злым непониманием: «Вы что творите, люди?! За что?!» – я буквально слышал его возмущение.

С трудом разыскал место со спокойно-доброжелательным настроением и слился с тайгой. Она приняла меня сразу. Я стоял с закрытыми глазами, запрокинув голову и расставив руки, словно пытаюсь объять необъятное. Слился с каждой травинкой, с каждым, прости господи, клещиком и блохой на мышке. Я стал всем. Ману не надо было тянуть насильно, она сама полилась в меня... жиденьким ручейком. Ожидал цунами, вспомнив ауру эгнорского леса, а не, извините, – это Земля.

На фоне отголосков недавнего заката почти стемнело. На западе загорелась первая звездочка – надменная красавица Венера. Ночь расправляла холодные крылья...

Полного наполнения ауры пришлось ждать около двух часов. Все это время я стоял неподвижно, ничуть не страдая. Только внимательно следил за чужими аурами. Никого в бору, в популярном для пикников месте, не было.

Потом спокойно зашел в астрал. И окунулся в умиротворение, сравнимое с приятной сытостью. «Девочки» перестали казаться вялыми и бесформенными, будто действительно спящими, причем усыпленными насильно, каким-то мощным наркозом, а превратились в слабое подобие медленных вихрей, вернее, слабо крутящихся столбов.

«Эх! Надо было изначально в астрал зайти и посмотреть, как стихии меняются!» – подсадовал я, испытывая чувство неудовлетворенного научного любопытства, и направил поток маны Жизни в Синю. Она практически мгновенно приобрела женскую фигуру.

«Привет, Егорчик; мы на Земле?» – поздоровалась и спросила запросто, будто не было расставания, будто не скучала. Вот так: ни долгого просыпания, ни недоумения. Стихия – не настоящая женщина, о чем я часто забываю.

Я был несколько обескуражен этой сдержанностью, граничащей с холодностью. У самого-то душа трепетала от счастья.

«Как ты узнала?» – спросил, скрывая огорчение.

«Что я, родной астрал не узнаю, по-твоему? И где он сейчас расположился, не пойму? Да не переживай ты так! Считаю, что я просто стерва. Скучала я по тебе».

«Ох, Синя, все время принимаю вас за реальных женщин! Ладно, забыли... – Мое лицо помимо воли растянулось в улыбке. Если, конечно, представить, что мой образ в астрале соответствует моему телу в материальном мире. – Тяни ману из леса, заряжайся; он, оказывается, вырабатывает немного».

«Ты мне прямо Америку открыл, а то я не знала! Тяну».

Как я соскучился по Лизе! Все мои «девочки» ее копируют. Не знаю, осознанно или нет, и это не важно. Нестерпимо захотелось рвануть к ней прямо сейчас.

Мои отражения стихий (при инициации к стихиям в личном астральном пространстве возникают особые образования, называемые отражением) в Энгоре приобрели форму девушек, которые постепенно стали вбирать в себя характер наиболее близкой мне особи женского пола, Лизы, причем каждая из стихий акцентировала черты, отличные от других товарок. Каждая стала отдельной личностью со своими особенностями. Синя ударяла по язвительности.

Управилась она быстро, минут за десять. Завертелась, как угорелая, но, несмотря на это, сказала с зевотой:

«Фу-х, наелась. Теперь бы поспать». И как только ей удавалось зевать при отсутствии рта?

«Буди остальных», – ответил я, усмехаясь.

«Да пожалуйста!» Типа одолжение делает.

Можно подумать, они хоть раз мне в чем-нибудь отказали... Интересно, а в принципе – могут? Наверное, нет. Они – это я. Точнее, мои желания. Надеюсь, только явные, без скрытых. А то мало ли что я повытеснял в подсознание? Может, такого в глубине души желаю, что мама не горюй! Воплотится – рад не будешь. А с учетом магической силы... лучше не представлять, не думать, а забыть напрочь, окончательно и бесповоротно!

Минут через тридцать Сине удалось «растолкать» подружек. Что началось! Шум, гвалт, хохот: «А мне такое привиделось... вы не поверите, девочки!» – и так далее, и тому подобное. Я слушал и улыбался. В груди щемило.

Да! За те полчаса, не отвлекаясь от «побудки» товарок, Синя заметила мои рассортированные по папкам плетения и спросила язвительно:

«Развлекался? Ну-ну. М-да... Придется помочь мудрому хозяину, величайшему программисту всех времен и народов».

Тут же мы оказались в обычном земном офисе со стандартными шкафчиками для деловых бумаг. Все полки пустые, кроме одной, на которой аккуратным рядком расположились семь разноцветных папок. На каждом корешке бумажка с распечатанной на принтере надписью – названием стихии.

«Пользуйся. В каждой по несколько вложенных папок. Надеюсь, удобно? Ты сам так хотел».

Я умильно смотрел на стихию, не соизволившую принять четко очерченный образ. За смазанной женской фигурой можно было нафантазировать любой облик. Мне представлялась Лиза... Пользоваться файлами в прежних папках было, разумеется, крайне затруднительно. Я не выдержал, расхохотался. Теперь-то все будет в порядке! Плетения станут выскакивать из астрала сами собой, «подталкиваемые» стихиями, стоит лишь пожелать. Не придется частью сознания рыскать по полочке. Да и вообще, о «ручном» создании заклинаний можно забыть как о страшном сне: с этой рутинной «девочки» справляются гораздо лучше меня. Мне бы еще маны вдоволь...

«Прекратить галдеж!» – рявкнул я делано строгим голосом.

«Девочки» разом замолкли, ловко разыгрывая испуг.

«Во-первых, здравствуйте».

В ответ – молчание.

«Спасибо, я знал, что вы тоже по мне скучали. Во-вторых, Фиона, здесь, как ты помнишь, богатая ноосфера – включайся. В-третьих, как вы успели заметить, маны здесь –

только для поддержки штанов, по образному выражению Сини, но! Крася, тут все на электричестве, так что подумай...»

«Подумала и спешу разочаровать. Местное электричество – чистая материя, а без маны, которая суть промежуточное состояние между идеей и материей, или мыслью и реальностью, или душой и телом, или...»

«Короче, Склифосовский!» Мы откровенно играли и игрой наслаждались. Я, по крайней мере, точно. О стихиях с такой же определенностью судить не берусь.

«Короче, – покладисто согласилась Крася, так же, как и остальные, не принимавшая четко определенный облик, – я не могу заряжаться сама и напрямую управлять электрическим током».

Внезапно мне пришло в голову, что наше общение стало каким-то слишком уж человеческим. Ранее подобного богатства в суждениях не наблюдалось.

«Мне кажется или вы действительно поумнели?»

«Тут такое дело, Егор, – серьезным тоном ответила Фиона, – когда по нам Вартараар ударил, мы улетели неизвестно куда, предположительно – в глубокий астрал. Это такой тонкий мир, общий для всех «отражений», без привязки к личностям носителей. Там было много нам подобных. Пообщались. Много у них почерпнули. Они от нас – тоже. Обмен знаниями всегда интересен. Туда редко попадают стихии из немагических миров, сам понимаешь. Мы были буквально нарасхват. Так что мы не спали, как ты неверно про нас думал, а просто не чувствовали тебя».

«Все что ни делается, делается к лучшему», – заключила Женя, самая спокойная из всех. Стихия Земли как-никак.

«А что нас не убивает, делает нас сильнее, – я автоматически выдал афоризм, чем и подытожил наш импровизированный диспут. – Кончаем философствовать, начинаем работать. Фиона, подключилась?»

«Сразу. Могу обрадовать: моего вида маны в ноосфере хватает. Людей много, и все понемногу вырабатывают ману разума. Я зарядилась. Тебе в ауру залить?»

«Спрашиваешь! И еще, давайте-ка я «резервуар» заполню».

Передо мной возник схематический образ моей головы с двумя емкостями внутри нее, соединенными трубкой с клапаном. Крася и Женя без напоминания отправили из себя ручейки красного и желтого цветов. Буквально из своих тел, откуда-то из области сердца. Жидкости наполнили один резервуар. Смешались, странным образом не теряя оттенки: рубин и песок. Перед входом в канал, объединяющий две сферы, мельчайшие частички стихий, символизирующие фотоны и элементарные частицы, закружились друг с другом в танце и устремились в другую емкость, прямо на глазах теряя окрас, становясь все бледнее и бледнее. Вскоре второй резервуар оказался забитым однородной серой массой, липкой и вязкой на ощупь – я помнил, как брал ее руками (воображаемыми, конечно, но ощущения были очень реальными). Это и была абсолютная энергия, сокрушившая, отправившая неизвестно куда целого божка... пусть он и находился в ослабленном виде. Кроме того, эта же субстанция открывает межмировые порталы...

Как просто! Все, можно стартовать немедленно! Ладони загудели. Зина, родители и другие земные проблемы теряли актуальность, в кипящем желании немедленно создать портал растворялись, как сахар в горячем чае.

Я попытался взять себя в руки.

«Фиона, что это за лабуда?» – спросил, кивая на емкости.

«В одной смесь массы покоя и абсолютной скорости (это она так про атомы и кванты света, что-то новенькое!), во второй так называемая абсолютная, или чистая, энергия, мечта многих земных ученых, невозможная согласно теории относительности».

«А с точки зрения магии?» – уточнил я.

«К магии это отношения не имеет».

«Даже так?! А почему ею порталы пробиваются?»

«Понятия не имею. Я знаю многое, но далеко не все. И думаю, что ею можно не только порталы пробивать, как ты выразился».

«А что еще?»

«Знала бы – сказала. Это мои ощущения; интуиция, если хочешь».

Интуиции Фионы доверять очень даже можно.

«Значит, на вопрос, почему она мне не всегда подвластна, ты тоже не ответишь? Ясно. Помнишь координаты Эгнора? Полетели». Я не выдержал. Заговорить самому себе зубы не удалось.

Миг, и я оказался над зелено-голубой планетой на большой высоте. Видна шарообразность горизонта. Подо мной океан и край материка. Большая облачность, но я узнаю – Демоньих земли. Пытаюсь опуститься ниже – не получается. Все как в прошлый раз – что-то не пускает. Мое баронство находится в другом полушарии. Облетаю. Как медленно! Вот он – большой Иверский материк. Ночь, но я прекрасно вижу поверхность. Странно. Хотя что странного-то? Астрал! Облачность слабая, и на севере в больших просветах между облаками вижу снег. Карту помню прекрасно, примерно здесь. Точно! Внизу Асмар. В предвкушении по телу пробежали мурашки.

«Сейчас, сейчас... вон подо мной горы, эта маленькая долинка, наверное, Комес, там Лиза и друзья. Интересно, это первая зима после моего ухода? Буду надеяться, что первая. А лучше – поздняя осень. Хм, сомнительно, что долинка – Комес. Очень уж высоко. Но то, что это Хром, – без сомнения». Я рассуждал, неосознанно вытягивая из резервуара энергию.

Вдруг меня прошиб пот. В голове прогудел набат:

«Хром! Зина Хром! Я попаду в Эгнор, где, по словам Рона, с дорогими мне людьми все в порядке, им ничего не угрожает, а ей? Оттуда я не вернусь, это не так просто, там из астрала другие миры не видны (еще одна загадка Эгнора. Рон полагает, что их мир «закрыл» сам Творец. Возможно).

С родителями связаться надо – мучаются же. Как я мог забыть?! Совсем голову потерял. Нет, как это ни тяжело, но возвращение придется пока отложить. Будем считать это генеральной репетицией. Лизонька, родная, подожди еще чуть-чуть, хорошо? Я быстро-быстро дела закончу – и к тебе. Пока, любимая, не скучай. И помни: мне сверху видно все, ты так и знай!» – с этой шуткой, которой попытался унять чудовищную досаду, я вышел из астрала.

И рухнул мешком, набитым ветошью. Прямо на мох, на сырую ночную землю. Хотелось выть и плакать. Прибить кого-нибудь, в конце концов! Лежал навзничь, пальцами впиваясь в дерн. Целые ямищи под руками вырыл, пока не поднялся. Побрел, ничего не замечая, к дому Зины, сплевывая хрустящий на зубах песок. Настроение было как у ребенка, которого поманили конфетой и спрятали. «Будешь хорошо себя вести – дам», – как бы говорила мне совесть. Справедливо? Без сомнения! Но обидно – жуть.

Не раздеваясь, упал на кровать. Уснул с трудом. Шел четвертый час утра.

Разбудила меня хлопнувшая входная дверь. Обнаружил себя одетым, лежащим на нерасправленной кровати. Чувствовал себя убитым, хуже, чем с глубочайшего похмелья. Давненько я не болел, и вдруг захотелось, до ломоты в зубах. Надоело это абсолютное здоровье хуже горькой редьки. Напиться бы вдрызг и поболеть потом. Неимоверным усилием воли собрался. Хватит страдать, а то и тренировку пропустил... Да почему пропустил-то? Девять утра, терпимо. Переоделся в спортивные штаны и вышел во двор. С Зиной не встретился.

Вернулся через два часа и застал Зинаиду за поеданием отбивной.

– Привет.

- Привет. Сам готовил?
- Нет, сосед. Я в душ и потом присоединюсь к тебе.
- Хорошо, тогда я подожду.

Мы завтракали и беседовали, от еды не отвлекаясь. Разговаривали как бы между делом, как донельзя занятые супруги, которые общаются друг с другом исключительно за общей трапезой.

– Ты почему на звонки не отвечал? Я тебе целый день звонила. Отпрашиваться уже хотела, вдруг что случилось...

К моему блюду Зина добавила свой фирменный салатик. Я с удовольствием уплетал отбивную собственного приготовления, заедая ее Зининой зеленью. Вчера поленился овощи резать. Под душем плохое настроение смылось в прямом и переносном смысле. Осталась решимость. Пока не знаю где, как и когда, но проблему Зиночки я решу.

– Гулял по городу, в церковь ходил, в лес, который неподалеку. Кстати, я себе сотовый купил, потом номерами обменяемся.

– Зачем покупал? У меня старых полно... Вот дура, как сразу не догадалась? И напи-лась... Ты не думай, я редко. Даже не редко, а вообще впервые. В смысле, так много выпила. Неудобно даже... Поди, говорила тебе что попало. Нет? – уточнила с наигранным безразли-чием. До сих пор переживает, сразу видно.

– Да все нормально, я же тебе говорил. Все прошло тихо-мирно, без эксцессов.

Сделала вид, что поверила.

– Слушай, так ты верующий?

– Да нет, церковь у вас старинная, красивая, вот и зашел.

– Но у тебя внешность как... как у попа. Можно подумать, сектант какой-нибудь.

– Не верь глазам своим! – изрек я, напустив в голос побольше патетики. – Не знаю, почему я так выгляжу, но смотрю на себя в зеркало и сам себе нравлюсь.

– Смотри, в Нарцисса не превратись! – предупредила Зина, усмехнувшись, и заклю-чила: – Это все твое ушу.

– Скорей всего. Это целая культура. Да чего там – философия. Где наголо бреются, где, наоборот, космы разводят.

– Не просветишь?

– Давай потом. Ты мне лучше про Славика расскажи, на что он способен.

Зина сразу посерьезнела.

– Ну вот, такое хорошее настроение было. Может, ну его, а?

– Нет, Зина, не «ну его». Он, как я понял, от тебя не отстанет.

– Не отстанет, – вздохнула девушка. – Сережка, обещалкин, блин, посадить его не может! Он бандит еще тот! Всегда с пушкой ездит. Я говорила Сергею, но гайшники не хотят останавливать. То ли боятся, то ли распоряжение у них негласное. Обыск про-курор не подписывает. Доказательств, видите ли, мало! А сколько нужно? Полгорода его знают. – Зина разволновалась не на шутку. – Куплено у них все! – выпалила, хлопнув ладо-нью по столу.

Посуда, впрочем, не шелохнулась. Кухонный стол: круглый, старинный, с резными ножками, сколоченный из натурального дерева, – чистый антиквариат, на современной кухне смотрящийся несколько не к месту, – был прочен.

– Спокойно, Зинаида, спокойно, все будет хорошо. – Я погладил ее руку, подождал, пока девушка успокоится, и спросил: – А где он живет?

Зина отдернула руку и посмотрела на меня подозрительно:

– Убить хочешь? Ты же завязал! Не надо мне такой помощи, слышишь! – шарахнулась от меня как черт от ладана.

– Нет, нет! – Я поспешил ее успокоить, вкладывая в слова как можно больше искренности. – Исключительно посадить. Верь мне.

Девушка посопела и бросила:

– Речная, одиннадцать. Коттедж у него. На другой стороне города пригород есть, целый поселок для наших олигархов типа новых русских.

Продолжила, нервно закулив:

– Он всегда говорил: «наш дом». Да в гробу я его видала! Из дома никуда, друзья-подруги побоку, а потом и руку поднимать начал. Какая я была дура! По малолетству влюбилась, теперь ненавижу... – выдавила сквозь зубы, сжав кулаки так, что кожа на костяшках натянулась и побелела, превратившись в мрамор с прожилками. – Говорят, что от любви до ненависти один шаг. Это мой случай. Может... ты его убьешь? – сказала и охнула от испуга: – Ой!

Зажала рукой рот и быстро замотала головой. Во взоре легко читалось отчаянное раскаяние.

– Это я пошутила, Егор, шутка, шутка, – затараторила как заведенная. – Сгоряча ляпнула. За языком не слежу, не серьезно это... Ты меня не слушай, ладно? Пусть посидит, может, образумится. Сережа его обязательно посадит, вот увидишь, – закончила уже медленней, немного успокоившись.

Я был образцом сдержанности. Мой вид должен был перечеркнуть образ наемного убийцы, который, похоже, закрепился в Зининой голове очень прочно.

– Да не собираюсь я его убивать, я же говорил! Успокойся, ты чего?!

Девушка ревела навзрыд. Терпеть не могу женские слезы. Сразу хочется утешить, приласкать, конфетку подарить. Но, наученный горьким опытом, я знал, что это только усилит истерику. Она хоть и жаждет ласки, хоть и мечтает опереться о твердое плечо, ждет утешения и уговоров, а в ответ на мужское увещание все равно следует новый водопад слез. Грудь бы себе порвать, которая ноет от жалости, засунуть бы ее голову внутрь, спрятать всю ее в себя. Только бы успокоилась, только бы ноя, скребущего душу, не слышать.

Иногда мне кажется, что женщины плачут не для кого-то, а исключительно для себя. От жалости к себе. Если не притворяются, конечно. Зина явно не играла.

Успокоилась с трудом, через долгие, мучительные всхлипывания. Дальнейшего разговора не получилось. Зина переживала за свои слова и боялась за меня. Или меня? Скорее, всего вместе. Фионе я запретил подсказывать. А она легко могла бы обрисовать мне, если не мысли, то эмоции – точно. Но неудобно перед девушкой. Как можно в голову человека, который тебе доверился, заглядывать? Стыдно. Но любопытно, черт побери!

Зина, уставшая после смены, проплакавшаяся, ушла спать. А я полез в астрал.

– Я могу показать тебе любого человека в реальном времени, только дай мне его четкий астральный образ, – говорила Фиона.

Я, выглядящий точь-в-точь как старик Гэндальф в фильме «Властелин Колец», сидел в своем любимом «домике хоббита». Фиона напротив меня в образе классической бизнес-леди. Астралом можно крутить как угодно, воплощать там любые фантазии. Я предпочитал представляться Гэндальфом и создавать уютную обстановку обиталища Фродо Бэггинса.

– Славик, – четко произнес я, тем самым представляя нужный образ.

Передо мной возникла маленькая фигурка бывшего Зининого мужа. Помигала, зарыбила, словно в поломанном телевизоре, и бесследно растаяла.

Фиона с сожалением покачала головой:

– Я сняла образ только с Зины. Когда ты встречался с другими, твой астрал... можно сказать, спал.

– А в прошлое? Наверняка в инфо-ноосфере хранятся отпечатки всех событий.

– Хранятся. В переработке людских сознаний, мыслей и эмоций, и не всегда они верные. Даже более того – всегда субъективные. События выглядят так, как люди хотят их видеть, или так, как увидеть опасаются.

– Да мы же так в Эгнор попали, а ты говоришь – неверные! Я смотрел через инфо-сферу в далекое прошлое и нашел-таки прибытие на Землю «инопланетян», которые оказались древними эгнорцами.

– По всем моим расчетам, этого не должно было случиться, вмешался неизвестный мне фактор. И я не говорила «неверные», я говорила «обработанные людским подсознанием». Две разные вещи.

– Знаю я этот фактор, давай о нем не будем. – Даже в астрале мне было неприятно думать о влиянии на мою судьбу «провидения».

– Как скажешь.

– Вернемся к Славику. Покажи вчерашний день, утро.

На меня навалились злость, страх, боль в руке. К этому примешивалось похмелье. Я сидел в травмпункте и сквозь зубы матерился на медсестру, делающую мне перевязку. Майка присохла к ранам и, хоть и размоченная фурацилином, отдиралась с болью.

– Потерпите, больной, тряпка до конца теперь не отмокнет. Что же вы сразу не приехали? Ужас, укусы страшные. Владимир Павлович, я сняла повязку!

Я посмотрел на руку, и мне стало плохо. Голые кости, как у скелета, зловеще шевелились. Белые, отполированные годами могильного тления пальцы, фаланги которых крепились друг к другу без всяких связей, норовили вцепиться мне в глотку. Рука сама собой, независимо от моей воли, словно была совершенно чужой, тянулась к горлу. Страх пронзил с макушки до ногтей на ногах. Передо мной стоял ночной колдун. Он появился ниоткуда, будто всегда был здесь. Его длинные волосы шипели и шевелились. Точно! Это змеи. Каждая пасть разевает, и с зубов яд капает. Я не могу пошевелиться. Колдун смотрит прямо в душу.

– Я могу заставить твою руку задушить тебя, – зловеще захохотал он. Кровь в жилах застыла. Мне стало очень холодно. – Но я не стану этого делать, помучайся. Любопытно посмотреть, как ты проживешь с такой рукой.

Моя рука, точнее, принадлежащая мне рука скелета поднялась к моему же лицу и показала мне фигу.

К колдуну подошла ослепительно красивая Зинка, обняла и поцеловала в засос.

– Убей ты эту падаль, дорогой, – капризно надув губки, протянула она. – Я так хочу! – топнула ножкой.

Колдуна сменил доктор. Владимир Павлович, старый знакомый. Он не раз меня лечил после неудачных разборок. Он жил за мой счет. Да и остальная братва не скупилась.

– Вячеслав Игоревич, я вам сколько раз говорил: осторожней надо быть с бойцовыми собаками.

«А то я не знаю, как с ними обращаться! Умник хренов. Лепи, лепила! – думалось с раздражением. – Тебе бы с колдуном повстречаться, сука».

Куда пропал сам виновник моего несчастья, только что стоявший на месте доктора, меня почему-то интересовало мало.

– Они привитые от бешенства?

– Разумеется, – бросил сквозь зубы. Как он меня раздражает!

Краем глаза заметил свою руку. Раны как раны – и не такие видел. Врач их обработал и позвал медсестру.

Спрятался колдунишка, сволочь. Где он может быть?

– Любаша, перевязку с гипертоническим. Придется, Вячеслав Игоревич, на уколы походить. Антибиотики надо проставить: раны грязные. Тем более укушенные – значит, инфицированные по определению. Как бы заражение не пошло.

– А колеса нельзя попить? – Мотаться каждый день на другой конец города не хотелось.

– Можно, только у них эффективность меньше. Не советую.

– Я попою, – выдавил я, сжимая зубы. Любаша что-то такое в ране задела. Еле сдержался, чтобы не матернуться.

– Хорошо, я выпишу рецепт. Любаша, после повязки поставь анатоксин.

– Сделаю, Владимир Павлович.

– Что это еще за антитоксин? – В голову вдруг закралось смутное подозрение. Что-то не нравится мне сегодня этот лепила.

– Противостолбнячная прививка, под лопатку. Это совсем не больно.

«Ага, рассказывай сказки! В военкомате ставили, два дня болело».

Медсестра занялась рукой, а я, едва только поднял голову, снова увидел Зинку. Вместо Любаши, которая пропала так же, как до этого колдунишка. Она со зловещей улыбкой медленно поднимала молоток, намереваясь опустить его на мою скелетную руку. Я опять не могу шевелиться, даже взгляд не могу отвести. Хрясь! Кости пальцев разлетелись вдребезги. Боль ужасная! Я завопил во все горло.

– Потерпите, больной, – сказала Зинка голосом Любаши, сохраняя зловещую ухмылку.

Убью гадину! Вырвусь отсюда и убью ее вместе с колдунишкой! Любовничка себе нашла, падла?! Он, гондон, моего любимого Тотошу забрал. Ничего, еще стволы имеются. Вы у меня дождетесь, *любовнички*. И Тотошку верну, никаких денег на месть не пожалею. Паровоза подключу – плевать на все! Хоть и с такой рукой, но проживу еще. Гады!!!

А душу меж тем заполнял ужас. Дикий, панический, неуправляемый.

– Придется походить на перевязки, а дома солевым раствором повязку поливайте, чтобы она всегда была влажной. Две чайные ложки соли на стакан воды. – Теперь передо мной стоял докторишка с притворно-заботливым лицом. Тоже сволочь редкостная. Ужас прошел. Я и думать о том страхе забыл.

По пути домой из-за каждого угла показывались хохочущие колдун с Зинкой. Она показывала на меня, а колдун грозил мне своим узловатым указательным пальцем с огромным когтем. Специально дразнили меня, целовались в открытую. А потом колдун стал раздевать мою жену. Обида и злость от бессилия захлестнули с новой силой. Моя правая, «скелетная» рука так и норовила крутануть руль, чтобы въехать в ближайший фонарный столб.

«Не дождетесь! Я вам устрою, суки!»

Я рывком оказался в «домике хоббита». Дышал тяжело, спина была в холодном липком поту. Рот вместо воздуха глотал пустоту. Мучительно хотелось жить.

– С тобой все в порядке? – рядом на корточках сидела Фиона-бизнесумен. – Я выдернула тебя из инфосети, слишком полное слияние. Я такого не ожидала.

– Как с эльфом, в натуре! – Грудь, вздымавшаяся кузнечными мехами, постепенно уменьшала амплитуду движения. Воздуха становилось более-менее достаточно, удушье проходило. – Э, нет, Фионочка, с меня хватит. Сама пересказывай или реалистичность убери.

В Эгноре я случайно погрузился в сознание древнего мага, который был существом измененным. Человеком, стараниями одного сумасшедшего архимага переделанным в эльфа, – вечное нестареющее создание с высоким магическим потенциалом (легкостью оперирования пси-полем).

Из тридцати детей выжили и превратились в эльфов лишь двадцать. Эксперимент был далеко не первым, но стал единственным успешным. Если только психопатические ассоциальные наклонности вкупе с легкой возбудимостью, которые выявили у всех новоиспе-

ченных бессмертных (а именно с целью достижения бессмертия эксперимент и ставился), можно было считать удачей. Жертв бесчеловечного опыта растили, учили, окружали заботой, желая исправить характер детей-сирот, но... в итоге их, уже взрослых, имеющих собственных отпрысков, раскидали по разным мирам. Тех, кто не хотел уходить с родного Эгнора, находили убитыми. Эльфы намеки поняли.

«Мой», Игориэль, был последним, упорно не желавшим покидать Эгнор. Он и оставил о себе память в виде растерзанного мира. Его месть оказалась глобальной.

– Не могу! Я всего лишь стихия разума! Даже не стихия, а ее отражение в тебе. У меня нет ничего своего. Моя личность – плод моего взаимодействия с носителем, то есть с тобой.

– Но ты так здорово обо всем рассказываешь!

– Кроме инфосети-ноосферы. Я знаю о ней многое, и все исключительно теоретически-логически. Ты – мой интерфейс для работы в этой сети, и, похоже, мы подхватили в разбитой ноосфере Эгнора вирус того самого эльфа.

– Так что мне делать? Я с ума схожу, что ли? – Как ни странно, но я не испугался.

– Что ты! Мы с Синей попытаемся его обнаружить и удалить, но это дело времени. – Фиона с сожалением вздохнула, как самая обычная уставшая женщина. – Эльф – древний, то есть умения у него необычайно высокие, и значит, вирус очень качественный. Да о чем говорить, если древние маги не смогли с ним справиться! Тебе повезло, что тысячи лет прошло и он э-э-э... мутировал, можно так сказать. Или потерял активность. Или... да черт его знает! Может, потому, что ты землянин а не эгнорец, он тебя не убил. Нам знаний не хватает! Даже несмотря на ту весомую прибавку, что мы получили от других стихий, – не хватает. А пока от погружения в сеть придется воздержаться, а то психика может не выдержать. Тогда действительно с ума сойдешь.

– Как обидно, если бы ты знала!

– Я знаю.

– Извини, совсем забыл, кто ты. А что ты говорила про реальное время? Это тоже погружение? – Настроение, как всегда в астрале, быстро нормализовалось. Потеря богатейшей земной инфосети перестала казаться катастрофой.

– Мм, ты, как всегда, прав!

– Не лъсти мне.

Фиона весело рассмеялась:

– Нет, действительно, наблюдение по астральному образу – это именно наблюдение, а не погружение. Как к «черным» портал наводили, помнишь? Это что-то похожее. Можно назвать не образом, а меткой, как на амулете для открытия порталов. Показать Зину? Ее метка у меня есть.

Я подумал и, была не была, Зина – не Славик, решился:

– Показывай! Если что – сразу выдергивай.

Фиона снова рассмеялась:

– Да неоткуда выдергивать! Сам увидишь. Смотри.

Я очутился в спальне Зины. Реальность была полной! Внимательно прислушался к себе. Да, я – это я и есть, слава богу. Я мог смещать «изображение» или смещаться сам куда угодно, смотреть с любого ракурса и все прекрасно слышал. Похоже на свободное сознание, но... искусственной, что ли. Аур и потоков сил не видно. Запахи смазанные, тактильных ощущений нет. Бросил взгляд на лежащую на подоконнике газету – читать могу! Наконец обратил внимание на девушку.

Зина спала на животе, одетая в большую мужскую футболку. Волосы раскинулись по подушке, правая щека примялась, рот слегка скривился. Лицо умиротворенно-задумчивое, между бровями две вертикальные складочки, словно девушка усиленно думает. Ровно сопит носиком и иногда причмокивает. Не иначе как сон видит. Интересно, какой?

– Если бы не эльф, то можно было бы войти в сон и там пообщаться, – сообщила невидимая Фиона. – И сон можно было бы поменять.

– Ну, Игоризельчик, ну и сволочь же ты, – прошептал я, глотая досаду. Я бы, разумеется, конкретно к Зине не полез, но сама возможность...

– Шептать не обязательно, она не слышит, – усмехнулась Фиона.

Мой взгляд опустился ниже. Одеяло скомкано и сбито между ногами, футболка бесстыдно задрана. Голубеньких стрингов между аппетитными упругими ягодицами практически не видно. Ножки стройные, загорелые. Левая нога призывно отведена в сторону.

Почувствовал дикое желание. Напряглось все, что должно напрягаться в таких случаях. «Не-э-эт, такой хоккей нам не нужен!» – возмутился и вернулся в «домик хоббита». Стоило просто захотеть выйти.

– Что ты так переживаешь, вполне нормальная реакция для молодого здорового мужчины, – успокоила меня Фиона. – А что Лиза? – озвучила мои мысли. – Ничего страшного не случилось, а если и случится, то это совсем не страшно.

Говорила дружелюбным и немного менторским тоном, как опытная учительница.

– Ты мужчина, и твою измену и изменой назвать нельзя. Семью ты с Зиной создавать не собираешься, детей тебе не рожать, а стресс снимать просто необходимо. На кого ты станешь похож, если у тебя в голове одни бабы будут?

– Вы в баб превратитесь, – буркнул я недовольно. Вот же сводница! Не ожидал. Но, надо признать, она озвучивает мои мысли...

– Такое уже было, согласна, но физиологическую проблему мы все равно тогда не решили, разве не так? С нами только пообщаться можно. Так что не тушуйся – и вперед, Зина этого ждет.

– Что-то не заметил.

– Потому что ты слон толстокожий. Не переживай, Лизе мы не расскажем, честное слово!

– Да иди ты! – с этими словами выскочил из астрала и... пошел тренироваться.

Для того же, для чего Челентано в «Укрощении строптивого» дрова рубил. Тренировался с полным ускорением, и наплевать, что день на дворе. Надеюсь, соседи особо не приглядывались.

Глава 7

Проснувшись, Зина занялась стиркой, уборкой, огородом и прочим хозяйством, а я был послан в магазин. Карман оттопыривал огромный список «самого нужного». Я бы вычеркнул две трети, но занудствовать не стал. Купил все, глядя на стремительно худеющие «свои кровные» с тихой грустью, вернулся на такси, загруженном пакетами со свертками, и засел в Инет. После Эгнора, где я в реальности навоевался вдоволь, до одури, играть в виртуальные стрелялки-догонялки с примесью магии резко расхотелось. С родителями, до разрешения нашей с Зиной проблемы, решил не общаться. Незачем их втягивать еще и в эту проблему. Выбрал рыбалку. Спокойное, умиротворяющее занятие.

Подсекая щуку за щукой, неторопливо ломал голову над проблемой Славика с Паровозиком и Толяна с Седым и ничего толкового придумать не мог. Кроме убийства – никаких вариантов. И это было очень плохо – найдут обязательно. Я-то домой смотаюсь, а Зина? Отомстят, и Сергей не поможет. Да и душа не лежала. Одно дело на войне, в горячке боя, но чтобы хладнокровно? Это только Зина считала меня киллером...

– А я думаю-переживаю, почему это Славика давно не видно? – услышал я довольный возглас.

Легка на помине. Зина стояла в дверях моей спальни.

– Его, оказывается, собаки покусали!

– Откуда знаешь? – я напрягся.

– Сережка только что позвонил. А я ему давно говорила: «Не доведут твои питбули до добра», а он: «Я собачник, психологию своих псов насквозь вижу!» Вот и досмотрелся. «Так ему и надо!» – спародировала голос Славика довольно точно.

– М-да, питбуль и загрызть мог.

– Хоть бы загрыз! Нисколечко не пожалею.

«А что, мысль! – сразу мелькнуло в голове. – Надо обдумать. Противно, конечно, но как еще один вариант... посадить бы все же...»

– Так Сергей за ним следит, что ли?

– Если бы! Следить не следит, но присматривает. Думаешь, он мне докладывает? Ага, дожدهшься от него. Так что неделю нам можно не переживать! – Девушка лучилась счастьем.

– Что ж, я тоже рад.

– А ты чем занят?

– Да так...

– Поможешь в огороде?

– Конечно! – Предложение не радовало, но потрудиться придется. Семейственность складывается, однако.

В понедельник резко похолодало. Низкое серое небо давило физически, огромной студеной дланью. Застигнутые врасплох люди, в куцых летних одежонках, смотрящихся совершенно нелепо, спешили спрятаться в теплых домах. Временами налетал мелкий дождик. Порывы ветра и зябкие брызги подгоняли нерасторопных: «Вы сдурели?! Быстро по норам!»

Я был из сдуревших. Стоял на автобусной остановке вместе с немногочисленными дачниками пенсионного возраста, в основном женского пола. Здесь загородные сады-огороды именовались солидно – дачами. Люди не выпендривались: все были одеты в осенние куртки, держали зонты, поэтому от непогоды особо не страдали. В отличие от меня. Я откровенно мерз в своей легкой ветровке. Тратить на тупой обогрев драгоценную ману было жалко – все равно не простыну.

Стихии Жизни не доступен обогрев воздуха вокруг тела, она греет само тело, ускоряя обменные процессы, причем без дополнительных затрат питательных веществ. Физический механизм этого явления совершенно непонятен. Говорят, этим эффектом для пыток пользуются друиды: человек чувствует себя как в котле с кипящим маслом, оставаясь при этом совершенно здоровым. Очень выгодно.

Звонок мобильного застал меня в душе. Зина час назад уехала на работу, а я мылся после тренировки. Подумал, Зина что-то забыла, но, посмотрев на пропущенный вызов, удивился – Верес.

«И черт меня дернул сказать ему «в любое время»! Поди, место для тренировок подыскал. Что ж, забудем о прошлом и будем считать, что он заново родился. Тем более что других людей с магической аурой я пока не встретил, и какой-никакой, но выход на Седого. Если скажет в районе трех подойти – откажусь, мне к четверем к психологу в диспансер. Психоневрологический, блин», – с этими мыслями я и перезвонил.

– Я нашел место, Егор Ронович! – орал он в трубку. Мне пришлось отставить ее от уха. Надо же, отчество правильно записал. – На даче у дядьки. В будни там никого из соседей и дача крайняя возле леса, легко медитировать.

– Ты чего орешь, я тебя прекрасно и без телефона слышу. Когда?

– К одиннадцати сможете приехать? – сказал уже нормальным, нет, слегка дрожащим от волнения голосом. Вот что значит страсть! Я немного позавидовал его фанатизму.

– Говори адрес, – ответил я со вздохом. Погода была, мягко говоря, некомфортная.

– Общество «Сибирский ранет», Грибная, два. Если с остановки идти, то первый поворот налево и до конца, к самому лесу. А если на тачке, то таксисты дорогу знают. Я могу вас встретить, – добавил после паузы. Почему-то упавшим голосом.

– Я на такси, не переживай, подъеду прямо к дому. На крайний случай созвонимся. Пока.

Неохота ему встречать, оно и понятно. Возможно, с деньгами туго; может, мерзнуть не хочет. Середина августа, а вон как похолодало с сыростью в придачу. Сибирь-матушка, ничего не поделаешь. Я сам в Сибири вырос, правда, гораздо западней, не меньше двух тысяч километров отсюда. Природа немного другая, ночи теплее, не тайга, а лесостепи, но один черт – и у нас погода была непредсказуемой.

«На машине за мной заехать Верес наверняка испугался, ему все мафия мерещится. Проследят, мол, гестаповцы. В Штирлица играется», – с кислой усмешкой закончил я рассуждения и принялся собираться.

Узнав по телефону расценки такси, вспомнил свое изрядно пошатнувшееся финансовое положение, плюнул и поехал на автобусе.

«Ехать меньше часа, – сообщили две сердобольные старушки на соседних сиденьях. Ничего себе! – «Сибирский ранет» – последняя остановка, а перед этим автобус в три садоводческих товарищества заезжает, а так – недалеко. Молодые были – пешком ходили, верст двадцать всего», – похвастались те же словоохотливые пенсионерки. «Пешком» – ради красного словца, не иначе.

Я – ничей, к другу приехал, фамилию не скажу, отстаньте.

До дачи добежал трусцой минут за десять. Заодно и согрелся. Сигналку, вспоминая жиденький ручеек Силы, текший ко мне из соснового бора, не раскидывал. С такой подзарядкой маны не напасешься.

Идеальная стихия для охранных плетений любых видов – конечно же Земля. Есть в ней некое сродство со средой, на которое оно накладывается. Будь то открытое пространство либо стены-окна. Сигналка из стихии Жизни возможна, но особой популярностью не пользуется, за исключением, конечно, «чистых», то есть инициированных лишь к одной стихии, магов Жизни, у которых попросту нет выбора. Она так же, как и аналогичные заклинания

из других стихий, выглядит как лежащая на земле сеть, окружающая создателя. Только реагирует подобная сторожка (иное название сигналки) исключительно на живое и без учета массы: на комара запищит, как сам кровосос. Амулеты не видит. Работать с ней тяжело, требуется опыт быстрой фильтрации множества помех. Зато держится долго, питаюсь эманациями маны жизни.

Это в Эгноре, а на Земле – вряд ли. Но зарекаться не буду, не проверял. Мне проще – Синя сигналы легко отфильтрует, однако все упирается в скудность маны. Потратиться на охранку – значит ослабить защиту. Ничего, об опасности «девочки» предупредят сразу, и давно заготовленные щиты сработают.

«Девочки» подсчитали энергию винтовочной пули и сравнили с арбалетным болтом. Заклинание первого уровня должно выдержать прямое попадание, но лучше не рисковать. А если поднять уровень «щита жизни» (защитное плетение, связанное из «нитей» стихии Жизни) до второго – уйдет половина моего нынешнего запаса маны. Стойкость магической структуры нарастает не линейно, а исключительно дискретно. Невозможно закачать в заклинание Силу, допустим, на полтора уровня. Нет, залить-то можно, но работать оно станет точно так же, как если бы было заполнено маной до первого уровня. А лишняя Сила при активации впустую рассеется. Уйдет в никуда.

Магия – наука естественная, если не сказать – точная, и увеличение мощности одного и того же заклинания происходит в строгих градациях, именуемых уровнями. Они рассчитываются, исходя из количества маны, необходимой для заполнения определенного числа рун-ключей. Воображаемых, конечно, а не реально в плетение встроенных. А оный ключ, который таки в готовой колдовской структуре быть обязан, но только в одном экземпляре, может впитать в себя строго определенное количество маны, который и принято считать за единицу. Первый уровень – тысяча единиц, второй – пять тысяч, третий – десять тысяч, четвертый – двадцать и так далее.

Возле дачи – небольшого шлакоблочного домика на участке, тронутым легким небрежением со стороны хозяев, потерявших интерес к выращиванию огурцов-помидоров, стояла праворукая белая тонированная «Тойота Королла».

«Эх, надо было позвонить, чтоб подъехал, – само собой пришло в голову. – Да нет, я хотел пробежаться. Согрейся – и жить стало веселей! А вот свободным сознанием окрестности прошерстить все же стоило, не нравится мне тонировка».

Соседние участки безлюдны, их всего три. Место было действительно удобным – почти в лесу, в стороне от глаз.

Заходя в калитку, я сразу наткнулся на затравленный взгляд бледного Вереса. «Или засаду устроить...» – с горечью понял я, и во все стороны мгновенно раскинулась сигналка. Синя сработала сама, без напоминания. Чувство опасности пока молчало.

Верес, выглядевший не краше, чем в мертвец в гробу, сидел на детских качелях. Увидев меня, чуточку оживился. На его физиономии нарисовалась досада, а губы беззвучно прошептали: «Беги...»

Сзади меня хлопнула дверь машины. Я не оглянулся. И так видел знакомую ауру мелкого братка. Еще сигналка показывала ауры Толяна за углом веранды и Мокрого в туалете типа «сортир», дверь которого была приоткрыта. Расстояние до всех пять – десять метров, и я у всех на прицеле. Заклинание не показывало оружие, но тут и гадать не нужно. Чувство опасности по-прежнему молчало.

Я заговорил первым, медленно приближаясь к Вересу:

– Что, Саша, сдал меня?

– Вы не понимаете... – вымученно произнес он. Его голос, шедший из пересохшего горла, хрипел.

– Ну почему же, отлично понимаю!

– Стой где стоишь! – крикнул вышедший из-за стены Толян. – Или ты думаешь, что самый крутой? От пули убежишь? Ма-зи-ла, – процедил презрительно, каждый слог как бы сплевывая. Причем догадаться, что последнее слово означает «художник», а не «плохой стрелок», было довольно сложно. Но я – умный, я – догадался.

Я остановился и медленно поднял руки. Но мысль все же закончил:

– Мафия. Ноги в цемент и все такое. Кино смотрел, Саша.

– Ты мне пошути еще! – взвизгнул Толик. – Бандерос! – это мелкому. А точно, похож! Только с короткой стрижкой. – Аккуратно обыщи его. Пушку отложи подальше, на предохранитель поставь, а то он, пидор, верткий! А ты даже не дыши, я быстро стреляю, поверь на слово. – Он все еще оставался взвинченным. Однако, почувствовав себя хозяином положения, постепенно обретал уверенность.

Толян стоял, расставив ноги. Глаза, мутные, лихорадочно блестящие, были прищурены. Правая рука в гипсе висела на перевязи, в левой, согнутой и прижатой локтем к туловищу, – пистолет неизвестной мне марки. Дуло смотрит мне в грудь. Классическая поза стрельбы от бедра, с пяти метров и слепой не промажет. Сзади щелкнул предохранитель, Бандерос сделал первый медленный шаг.

– Клешня не болит? – посочувствовал я Толяну, стараясь говорить не очень глумливо. Пусть обозлится, но не до пальбы.

– У-у, падла! – прошипел он. Лицо перекосило, ствол дрогнул, меня направление от центра моей груди к... стало неважным куда.

«А он точно псих», – заключил я, входя в ускорение. В нормальное, усиленное магией.

Шаг влево и прыжок вперед сквозь привычно плотный воздух. Своей правой рукой отвожу пистолет вниз, а локтем левой бью снизу под челюсть. Голова Толяна дергается назад, тело расслабляется. Вспышка из ствола, затвор отходит назад, отдача дергает руку. Звуки, как это всегда бывает в состоянии ускорения, не слышны. Пуля летит быстро, но я ее замечаю, испарывает землю. Я увидел пулю! Боковым зрением отмечаю другую, пролетевшую из туалета точно в то место, где я стоял мгновение назад. Сразу вторая, ближе ко мне, третья... в Вереса! Он колыхается всем телом и начинает медленно сползать с качелей. Следующая пуля летит в меня!

«Автомат?!» – догадываюсь я, падая, но полностью уйти с траектории не успеваю: пуля все же задевает «щит жизни», рикошетит и впивается в почти упавшее тело Толяна, точно в голову. В туалет летит «ловчая сеть» – оглушающее плетение, и я чувствую, как пустеет аура. В два прыжка подлетаю к Бандеросу, который только-только сообразил, что происходят какие-то непонятки: шагнул назад, развернулся и нагнулся за пистолетом. Пинаю его, метя кроссовкой в челюсть, но... попадаю в горло, ломая гортань и все, что там есть. Не жилец. В груди как будто когтем скребанули, душу царапая: не хотел убивать, видит Бог! Тело отвыкло от причуд «нормальной» скорости, где надо внимательней следить за инерцией, ошиблось... Звуки хлопнули по ушам – я вышел из ускорения.

Хрипит и булькает кровью Верес, сучит ногами и царапает ногтями землю Бандерос. Его лицо наливается красно-синим, глаза выпучены. Спасти и того и другого возможно, но маны мало, надо выбирать кого-то одного.

«Боливар, к сожалению, не вынесет двоих... – тоскливо думаю я и выбираю Вереса. – Почему же моя аура, черт побери, так быстро опустела? Не должно так быть всего лишь с одной «ловчей сети»...» – недоумеваю я по пути к Александру. Этот факт расстраивает меня едва ли не больше, чем невозможность создать два сильных исцеляющих плетения.

«Глаза разуй, – в голове раздался голос Сини. – Ручками посмотри! У тебя маны Жизни еще выше крыши. Хотя согласна, расход непропорциональный, надо изучить это явление внимательней. А зачем «ловчую сеть» третьего уровня вызвал? Там и первого за глаза бы хва-

тило. Но это полностью лишний расход не объясняет... Не мечись! На обоих Силы все равно не хватит».

«Помолчи, знаю», – прервал я ее рассуждения и потратился на «реанимацию» и мощное «исцеление» для Вереса. Теперь аура на самом деле опустела практически полностью.

Надо же! В Эгноре, помню, одного парня, простолюдина, жителя моего баронства, за измену приказал повесить на площади, а Вереса лечу. Конечно, тот предал осознанно, к тому же шла война, а здесь... не знаю. Интересно, а сам бы я заложил малознамого человека, которому в верности не клялся, если бы мне пистолет к виску приставили? Брр! И думать не хочу! Друзей и родных точно не предал бы, а остальных... скорее всего нет, но боюсь зарекаться. Избави нас боже от таких ситуаций!.. А ведь я полагал, что окончательно очерствел на той войне с чернокнижниками, но смотри-ка, о Бандеросе, о насильнике, кстати, сожалею... Мутит, будто мочи кошачьей напился. Противно. Словно впервые человека жизни лишил... Здесь, на Земле, вообще как-то странно себя ощущаю: как нашкодивший хулиган перед учительницей. Самого себя стыжусь! Нельзя так. И Бандерос, и Толян, мафиози недоделанные, свою судьбу заслужили...

Кое-что вспомнив, я отвлекся от переживаний и внимательно вгляделся в ауру Толяна. Пока живая. Начинает тускнеть и медленно гаснет. Душа не отлетела. Земля ему пухом. Перевел взгляд на Бандероса. Повезло, момент смерти уловить успел. Отделения от тела бледно-серовой субстанции тоже не заметил. Полегчало: души, конечно, ушли, но я их не увидел! Эти подонки, слава богу, никому себя не посвящали; суть свою не продали.

«Что ж, как говорится, Бог им судья. Мне, кстати, тоже. Творец, в смысле, загадочный ты наш, неведомо где зарытый... А тот грабитель-скинхед, значит, действительно сатанистом оказался, теперь уже вне всяких сомнений... А был бы другой, неизвестно, как бы все повернулось. Эх, «провидение»! И к горю ты, и к счастью... Все! Разгребусь здесь – и сразу домой, немедленно!» – так, рассуждая о вещах отвлеченных, я аккуратно обшаривал карманы пострадавших, ища предметы, которые могут вывести на меня. Сигналка, как сказали бы вышеназванные «пострадавшие», стояла на шухере.

Сотовый Вереса оказался у Толяна. Я удалил себя из книжки, стер исходящий ко мне и входящий от меня вызовы. Протер от отпечатков, вложил «трубу» в его руку и сунул ему же в карман. Занялся Мокрым.

Он всей задницей провалился в очко и продолжал держать в руках укороченный «калаш» с откинутым прикладом (такие еще в милиции используют, маркой никогда не интересовался). Прицельно бил, гад. Далеко Мокрого не поволок, прислонил на улице к двери туалета. Воняло терпимо.

«Фиона, ты, случайно, не научилась память читать, как Лиона умела?»

«Во-первых, не сама Лиона, а Богиня с неизвестным именем, которая решила спрятаться в ее душе, да в плен попала. Во время вашей общей схватки с Вартарааром, как ты уже знаешь, Богиня освободилась, забрав с собой и нашу графиню. Человеческая душа – потемки, даже для богов, возможно всякое. Во-вторых, я-то научилась снимать недавние воспоминания, но опять-таки через интерфейс – тебя. Слияния случиться не должно, но боюсь рисковать».

«Ты мне зубы не заговаривай; сможешь посмотреть его недавнюю память?»

«Да. Но ты можешь сойти с ума. А можешь и не сойти. Рискнем?» – усмехнулась стихия.

«Ну уж нет! – я содрогнулся. – Ладно, так допрошу, по старинке. Синя, приводи его в чувство».

«Не торопись, торопыга, – снова усмехнулась Фиона, – помнишь, как Лиона внушением работала? Я так же умею. Устраивает?» – Она говорила быстро, но и такая скорость

всем «девочкам» давалось тяжело: им приходилось сильно замедляться для общения со мной вне астрала.

«Спрашиваешь! Буди, Синя». – Меня это более чем устраивало!

Мокрого окутала синяя сеть, и как только он очнулся, а глаза обрели осмысленность, к нему протянулась тонкая фиолетовая нить. Взгляд мгновенно стал преданным.

– Рассказывай все, что случилось после нашей первой встречи, – скомандовал я, и Мокрый, в миру Макрицкий Виталий Александрович, с радостью запел соловьем.

Студеная водная крошка ударила в лицо. Пошел холодный, практически осенний дождь. Я не обратил на него внимания.

Краткое изложение рассказа Мокрого.

После избиения очухались они быстро. Верес убедил воющего Толяна позвонить отцу. Седой примчался с телохранителями и врачом из травмпункта. При нем не ругался. Загрузили всех в джипы охраны и увезли к Седому домой. С заездом в больницу, где всех еще раз внимательно осмотрели и Толику загипсовали руку. Врач убедил Седого, что ничего страшного нет, класть в больницу никого не нужно, кроме Анатолия, но тогда взбрыкнул Толян. Прилюдно наорал на отца, и тот махнул рукой. Зато дома оторвался отец. Как он вопил! Аж слюной брызгал. Самое мягкое слово было «козлы», сына иначе чем придурком не называл. Зинку с хахалем трогать запретил: мол, сам выяснит, кто таков, и накажет по-своему. Уж больно ловким оказался и по описанию мутным. Опасался, что как бы это не ему, Седому, предупреждение. Потом всех развезли по домам. Толян, который напросился пацанов проводить, в машине шепнул Мокрому, чтобы тот с утра потерся возле Зинкиного дома. Напомнил, что она у отца живет. Ее отец в городе личность известная, одно время главным инженером на фабрике работал.

За два года службы опером следить Мокрый научился. Засек товарища неподалеку от дома Зины, заинтересовался, прогулялся за ним, срисовал нашу с Вересом встречу, доложил Толяну. В итоге Александру Сергеевичу устроили допрос с пристрастием.

План Толяна был прост: заманить, захватить и поднести отцу на блюдецке, предварительно «конкретно опустив». Буду брыкаться – завалить. Все возражения отвергал и угрозил, что сам грохнет Мокрого и Бандероса, не посмотрит, что с юности дружили. А он может, ему отец все равно ничего не сделает, а сам Седой за послушание не обязательно смертью наказывал – чаще деньгами; тем более Толян обещал все взять на себя. Ну не мог он простить унижения, никак не мог!

А я же чувствовал, что в вызове на «тренировку» не все чисто... но отмел сомнения. Единственному потенциальному магу хотелось верить.

«Ты его заранее прости, добренький ты наш», – прокомментировала Синя.

Я оставил это высказывание без ответа.

– Значит, так: Виталик, это твоя дача?

– Родителей, – ответил он не моргнув глазом.

– Слушай меня внимательно. Вы приехали пострелять в лесу по бутылочкам. Здесь вы с Бандеросом неожиданно повздорили и ты... ты боксер? По тебе сразу видно, молодец. Так вот, в пылу ссоры ты его завалил. Он начал подниматься, но ты со злости пинаешь его и случайно попадаешь в горло. Увидел, что друг умирает, и у тебя в мозгах помутилось. Так ведь было?

– Да... – Его взор помутнел. Фиолетовая ниточка, входившая в его ауру, стала плотнее и толще, напомнив мне прочный, надежный якорный трос, способный удержать океанский лайнер, не то что какого-то Мокрого.

– Я рад, что у тебя хорошая память. Потом к тебе подбегает Толян, и ты локтем, случайно, попадаешь ему под челюсть, он падает. Тебе кажется, что вокруг враги, ты прячешься в сортир и начинаешь от них отстреливаться. Не со зла, от страха. Потом вспоминаешь себя

и обалдеваешь от содеянного. Плачешь и вызываешь «скорую». «Скорую» вызовешь через полчаса после моего ухода. Все понял? Повтори.

Он повторил слово в слово.

– Обо мне забудь. Пойдем, поможем.

Мы подняли Бандероса и переложили тело ближе к Толяну. Так, Верес его бьет... падает, второй подбегает... а, сойдет. Не должно быть все гладко. Вон и Толян стрелял, а Мокрый об этом не скажет, потому как больной человек.

В конце, перед тем как я посчитал, что столь гостеприимное место пора покидать, Фиона стерла память Вереса за последние трое суток. Стирать – не смотреть, это то же самое, что «ломать – не строить»: похожую операцию она и в Эгноре проводила. Процедура растянулась на целый час. Я промок насквозь, хоть выжимай, но оно того стоило. Не наболтает лишнего. Вдобавок за это время дождь смыл почти все следы, а примятую травку в нужных местах я поднял, потратив последние крохи маны.

«Фиона, а Мокрый не очухается? В смысле, не вспомнит?»

«Конечно, очухается, но не скоро, не раньше месяца», – заверила она самым убедительным тоном. У меня гора с плеч свалилась. За это время меня и след простынет.

К остановке направился в обход, через лес. Мало ли что. Надеюсь, опрашивать пассажиров автобуса не станут.

«У меня же свидание с психологом!» – вспомнил я в автобусе, уже на полпути к городу. Я, кстати, был не один такой мокрый – внезапный ливень многих застал врасплох.

«Должен успеть, до него целых два часа. О, вот и «скорая», и милиция. Сияют, мигают, гудят, аж сердце радуется. Интересно, о чем подумают, когда увидят почти остывшие трупы? Хм, что-то они не поспешили. Мокрый, я уверен, позвонил ровно через полчаса после моего ухода. А тебе, Верес, новой жизни. Надеюсь на тебя. Прошептал же ты мне: «Беги...»

Глава 8

С Зиной мы встретились на пороге диспансера. Она была в куртке и под зонтом, я в старых Серегиных одеждах и отцовской кожанке. Она единственная подошла мне по размеру, в остальных вещах я просто тонул.

– Ты почему телеф... Ты чего так вырядился?! – с ходу заругалась Зина, забыв о выключенном сотовом. – Мы же на прием! Ну вот, зря на час раньше отпросилась, поехали домой.

– Под дождь попал. А что тебя не устраивает?

– Все! Как ты не понимаешь?! Ты как чучело выглядишь! Мне стыдно с тобой людям на глаза показаться и уж тем более врачу! Ты зонт не мог найти? Где ты вообще гулял в такую погоду?

– В лесу. А не нравится – оставайся здесь, я один схожу. – Я всерьез обиделся.

Вот это наезды! Как из больницы в этих шмотках выводила – нормально, а «в люди» – видите ли, нет. Она мне кто, жена? А ведет себя соответствующе. Буйная фантазия у девушки.

Решительно, не обращая на Зину ровно никакого внимания, зашел в здание.

Зина догнала меня перед кабинетом с надписью: «Медицинский психолог Аверкиева А. А.»

– Прости меня, Егор, не знаю, что на меня нашло. И совсем ты не чучело! – извинилась, смущенно хлопая глазами. Выглядела как само воплощенное сожаление. – Все чистенько и выглажено. Сам гладил? – восхитилась, не скрывая явной лести.

– Сосед, – буркнул, и обида прошла. – Ладно, давай заходить, что ли.

Стройная молодая женщина в белом халате поднялась из-за стола и шагнула к нам.

– Здравствуйте, а я давно вас жду. Вы – Егор? – проворковала она.

Психолог была в возрасте между девушкой и женщиной, ни за что не угадаешь. Примерно под тридцать, но с какой стороны – большой вопрос. Она была заботливо ухоженной и стильной, в ней гармонировало все. Начиная от тщательно обесцвеченных волос без темных корней, кончая бижутерией и педикюром в тон. Про педикюр я соврал, его не было видно в туфлях-лодочках на среднем каблучке, но за истинность предположения готовь биться на дуэли. Туфли, разумеется, гармонировали с колготами и юбкой, в меру короткой, красиво просвечивающейся сквозь тонкий халат, который был не абы какой, а атласный, пошитый по оригинальным лекалам. Возможно, какого-нибудь известного кутюрье, но за это не поручусь.

Мой внешний вид – прямая противоположность. Зине снова стало за меня неудобно, а вот девушка не подала виду. Но Фиона подсказала – неприятно поражена.

Психолог предложила нам сесть за стол напротив нее.

– Аверкиева Анжела Андреевна, медицинский психолог, – представилась тем же спокойным воркующим голосом.

Мы назвали себя.

– Я слышала о вашей проблеме, Егор, простите, без отчества. Ронович – ваша фантазия, не так ли?

– Совершенно верно.

– И ваши отношения с Зинаидой Ивановной не складываются, – тем же доброжелательным тоном.

«Меня презирает, Зину считает дурой. Ну и флаг ей в руки», – второе предложение чисто мое, этого мне Фиона не подсказывала.

– При чем здесь наши отношения? – сразу возмутилась Зина. – Я Егора на обследование привела!

– А он вам кто: муж-недотепа или малолетний сын? – интонация несколько не поменялась, так и лучилась доброжелательностью. – Объяснили бы куда, он бы один пришел. Правда, Егор?

Зина сузила глаза, тяжело задышала, раздувая ноздри, готова была взорваться, на что и рассчитывала стерва, но я заговорил раньше:

– Зинаида Ивановна зашла меня поддержать, я боялся входить один: вдруг вспомню что-нибудь неприятное. Надеюсь, она не помешает?

– Помешает, – не согласилась Анжела. – Зинаиде Ивановне лучше выйти, а то вы вольно или невольно зажметесь.

Зина вскочила и, бросив: «Я в коридоре подожду», – пулей вылетела из кабинета, хлопнув дверью. Поднялось легкое облачко известки, остро пахнуло специфичным больничным запахом антисептиков и лекарств.

– Я вас приглашу после беседы; дождитесь, пожалуйста, – чуть повысив громкость, проворковала Анжела вдогонку. Уже сквозь закрытую дверь.

И началось! Настроение, тревоги, сон, кошмары, что помню, родители, сестры и все в этом роде. Почти то же, что и у психиатра. Потом пошли тесты. Запомните, повторите, дополните, выберите цвет и многое другое. Заполнил кучу бумаги с ответами на idiotские вопросы. Все делал честно. С учетом амнезии, разумеется. Мне самому стало интересно узнать о себе что-то новое.

– Когда будут результаты?

– Я все обработаю, результат передам Веронике Игоревне, – обломила меня Анжела.

– Ой как жаль, хотелось бы узнать о себе.

– Она вам расскажет, не переживайте. Пригласите, пожалуйста, Зинаиду, мне и с ней необходимо побеседовать. Вы не против? – «Как ты меня достал, бомж! Хипарь вонючий», – кричали ее эмоции, а голос по-прежнему не менялся.

Нервная у нее работа, не для ее характера. И зачем здесь сидит? Явно не из-за копеечного оклада.

– До свиданья, Анжела Андреевна, берегите нервы. Они, говорят, не восстанавливаются, – сказал я, выходя из двери. Ее ответ не расслышал.

Ждать пришлось полчаса. Зина вышла на удивление довольная.

– Что, не запугивала? – удивился я.

Я не подсматривал ни свободным сознанием, ни через астрал.

– Что ты! Просто мило поговорили о тебе, и не только. Вероника Игоревна за меня переживает, я ее с детства знаю, а с Анжелой не знакома. Поехали домой, я голодная – ужас. У нас что-нибудь есть?

В машине стукнула себя по лбу.

– Ты меня своим видом совсем из колеи выбил! Знаешь, что я хотела рассказать? Я с работы отпрашивалась, а тут такое... – сказала интригующим тоном, для усиления эффекта растянув окончание и замолчав, нетерпеливо ожидая от меня вопроса. Губы подрагивали, грозя выдать новость раньше времени.

– Что «такое»? – поддался я, уже догадавшись, о чем пойдет речь.

– Помнишь тех козлов, которые к нам прицепились? – охотно выпалила она.

«Тех, которые прицепились, а не тех, которых ты чуть не убил», – отметил я, мысленно усмехаясь.

– И...

– Поубивали они друг друга! Двое в живых остались. Одного закрыли, который палить начал, один на операции был. Я у девочек перед уходом спросила, они сказали, что хирурги удивлены. Ему очень повезло: легкие пробиты, но пуля так артерию развернула, что та закупорилась. Жить будет. Кстати, это самый нормальный из них, Верес.

Зина вдруг замерла на секунду, откинулась на спинку, напряглась внутренне и медленно спросила:

– А где это ты так вымок, что вещи не успел просушить?

– Ты что: думаешь, это я?! – Станиславский сказал бы: «Верю!» – Это такого ты обо мне мнения?! Я их в кафе не убил, а после отомстил?! Лелеял месть, вынашивал планы?! Это так ты обо мне думаешь? Думаешь, я холодный, расчетливый убийца?! Тогда нам не по пути. Извини, что вспылел, но я пошел. Не жди меня. – С этими словами шелкнул ручкой дверцы.

– Подожди, Егор, – ужаснулась девушка. – Я совсем так не думаю! Просто... я ничего о тебе не знаю, а ты еще промок до нитки. Недоступен был. – На нее, еле сдерживающую слезы, закусившую губу, начинающую предательски дрожать, было жалко смотреть. Я стал корить себя за концерт. Но надо было возмутиться, пресечь, так сказать, на корню. Девочку, конечно, жалко.

– Ладно, – согласился, захлопывая дверку. Продолжил, «постепенно успокаиваясь»: – Понимаю тебя, но я гулял в лесу. Уверяю. Люблю лес, почему – не знаю. Как назло – ливень. Телефон выключил, чтобы не отвлекал. Потом он промок. – О сотовом – чистая правда. – Вот и все. О тех подонках я и забыл давно.

– А зря! – Зина моментально повеселела, будто рыдать и не собиралась. – Они бы попытались отомстить. Все, домой! Слона съем. Не обижайся на меня, хорошо?

– Проехали. И поехали, сам бегемота проглочу. – Ни тебе «поклонись, что ты ни при чем», ни всего остального. Действительно хорошо.

– Только не говори никогда: «Не жди»... Хорошо? – произнесла очень тихо, на грани слышимости.

Я в изнеможении откинулся на спинку и закрыл глаза. Сделал вид, что ее слов не слышал. Мне только «возвышенных чувств» не хватало! Бежать, и поскорее...

Перед Михаилом Ивановичем Мережко, следователем городской прокуратуры, стояла нелегкая задача. По прямому распоряжению прокурора явным бандитским разборкам на даче надо было придать характер банальной бытовухи. Двойное убийство, один тяжелораненый. Огнестрелы из ранее засвеченного оружия, убит сын председателя районного совета депутатов. Сделать из этого бытовуху нелегко, но можно, бумага все стерпит. Главное – не привлечь областную прокуратуру, а то хлопот не оберешься. Михаил Иванович понимал это прекрасно и полностью поддерживал начальство. Дело в принципе, можно было считать раскрытым – убийца сознался. Только ментовский следак Хром чего-то мудрил. Как назло, именно он в тот день дежурил и с первой бригадой выезжал.

Ну что человеку надо? И там несоответствие нашел, и здесь. А когда оно гладко бывало? Более того, опросил соседей, а там ближайшие за двадцать домов живут пенсионеры, и они якобы видели бегущего по улице человека. Он бежал в сторону места происшествия за несколько минут до неясных хлопков. Описать не смогли – далеко находились и не обратили внимания. И не вспомнили бы, если бы посланный Хромом опер их не разговаривал. А туда ли бежал, а был ли он на самом деле тот бегун – неизвестно. Вполне могло померещиться старикам.

«Вовремя я забрал дело, а то еще что-нибудь накопал бы», – думал Мережко, заполняя бумаги. Хром отличался умом, вьедливостью, скрупулезностью, стремлением найти и, главное, наказать преступника. На судах выступал охотно, доказывая свое. За ревностную службу его ценили, но, как говорится, всему свое время и место. «Нужные» дела у него просто забирали. Попсихует и плюнет – выше головы не прыгнешь. Склонностью к возмущенным рапортам и битью головой о стену он не отличался.

Признание есть, улики в целом подтверждают признание, нужная баллистика скоро будет, определят вменяемость обвиняемого – и в суд. Дело закрыто.

Михаил Иванович облегченно откинулся на спинку стула с мягким толстым сиденьем. Геморрой не давал покоя, надо было сдаваться эскулапам. Боязно.

Три дня пролетели незаметно. В свободное от тренировок или просто прогулок по лесу время я сидел в Интернете или пропадал в астрале. Зина раз в день забирала у меня ноутбук, общалась в соцсетях и возвращала обратно. Интерес к Всемирной паутине я объяснял попыткой найти себя. По-моему, она этого боялась, но не препятствовала. Главное, что я дома, остальное – потом. Ловя на себе ее взгляды, я мрачнел. Права Фиона, девочка ждала. Без кокетства. Я же не желал ее обнадеживать. Для нее это серьезно. Поэтому я и предпочитал лесное одиночество, регулярно проверяя округу свободным сознанием, и на сигналку Силу теперь не жалел. И все время, не переставая, думал о том, как решить проблему Славика. В последнее время стал склоняться к мысли, что, пожалуй, придется привлекать Сергея, чего очень не хотелось.

Похороны прошли с размахом, при большом стечении народа. Мэр и безутешный отец двинули речи, поп отпел. На могилах Толяна и Бандероса поставили громадные стелы – Ленин позавидует. Город судачил про убийцу. Большинство склонялось к мысли, что лучше ему из тюрьмы не выходить – отомстят. Не важно, в своем уме он был или с катушек съехал. А могут и в тюрьме достать, и там от братвы не спрячешься.

Эти слухи передавала мне Зина, да в Инете я нарыл несколько закутинских форумов, где личности, скрытые под крикливыми безличными никами, резали правду-матку. В них писали те же сплетни, ругали городские власти и утверждали о смычке оной с преступностью. Фактов, разумеется, не приводили. В местной печатной прессе напечатали длинные некрологи, по телевидению и радио прошли повторные передачи о трагедии. Как-то так совпало, что в день похорон все городские увеселительные заведения закрылись на профилактику, на федеральных каналах произошел сбой, а местные передавали только грустную музыку. Такой вот неофициальный траур.

– Знаешь, как мы называли твою кровать? – спросила Зина как-то за ужином.

– Кто мы и какую еще кровать? – В животе загулял неприятный холодок.

– Медсестры в реанимации койку, на которой ты лежал. Заговоренная! – высказалась, не дождавшись моего заинтригованного: «Как?»

Кишки потеплели, от сердца отлегло. Что-то мне любое упоминание «кровати» не те мысли внушает.

Сразу пояснила:

– На ней Верес лежит, и ты представляешь – он пришел в себя! Выздоровливает поразительными темпами, как и ты, и тоже память потерял! Представляешь?!

– Я поражен. Но представь себе, мне нет до него дела.

– Зря ты так, он вполне нормальным парнем оказался. Меня не помнит совершенно, у него в памяти последние несколько дней как отрезало. Разговаривает вежливо и даже не матерится, в отличие от соседей. Завтра его в хирургию переведут. Врачи говорят, что такой удачной операции и такого быстрого выздоровления после тяжелого огнестрела давно не видели.

– Значит, ему повезло; может, за ум возьмется.

– Не знаю... – горько вздохнула Зина, – дружки им уже интересуются, и не отпустит его Седой.

– А вот это уже только от него зависит.

Зина несогласно покачала головой:

– Седой вопьется – не отстанет, и сына своего он любил, а в том деле много непонятного.

– Вот как? – Я заинтересовался. – Слухи однозначные: Макрицкий всех завалил.

– Ха! – презрительно воскликнула Зина с видом приобщенной к тайным знаниям. – Дело-то закрыли, но Сережка мне говорил, что там есть непонятки, и Седому кто-то их слил. Он грешит на прокуратуру.

– А конкретней?

– Ага, щас! Дождешься от братца подробностей, держи карман шире!

На этом разговор увял. Уже за мытьем посуды напомним:

– Не забыл – нам в четверг к психотерапевту?

– Не нам, а мне. В этот раз один пойду, дорогу знаю. Хватит с меня психолога.

– Кстати, а что ты ей сказал тогда? Она злая была, когда я зашла, не то что раньше: «Ваши отношения с Зинаидой Ивановной не складываются», – проворковала очень похоже. – Противно!

– Ничего особенного. Сказал, что нервные клетки не восстанавливаются.

Зина неожиданно закатилась. С трудом выдавила через смех:

– Это про себя или про нее?

– Про нее, а что? Да прекрати ты смеяться! А сама почему спокойная вышла?

Зина еле остановилась. Все еще продолжая прыскать, ответила:

– Она быстро успокоилась. Мы просто поболтали о своем, о девичьем, тебе знать не обязательно. Нормальная женщина, когда не выпендривается. Своих проблем у нее выше крыши.

Почему смеялась, я так и не понял.

В четверг, когда я собирался выдвинуться к психотерапевту, в дом буквально влетел Сергей.

– Задержись, надо кое в чем разобраться.

– Но я к врачу опаздываю!

– Подождет, это недолго. Скажешь, в милиции был. Или тебе официальную повестку прислать? Могу устроить.

Я обреченно вздохнул.

– Ответь мне, мил человек, как на духу, без протокола: где ты был в пятницу с пол-одиннадцатого до пятнадцати ноль-ноль?

– Гулял в лесу, промок до нитки – Зина не даст соврать!

– Ты мне горбатого не лепи, народный мститель! Думаешь, я не узнаю, как ты тех гавриков в «вертолетке» опустил? Присядь, поговорим.

Мы сели на кухне. Я не волновался. Он относился ко мне настороженно-благожелательно, с примесью ревности.

– Зина о тебе хорошо отзывается, но мое предупреждение помни. Мне плевать, спите вы или нет. – Еще как не плевать! Фиона все видит. – Главное, не вздумай обмануть, она этого больше всего боится.

Я кивнул, Сергей продолжил:

– Ты очень странный тип. Сам посуди: свое имя ты якобы вспомнил, а ведь ничего из твоих слов не подтверждается! Конечно, пока рано судить, но по базам все московские Егоры твоего возраста не потеряны или не заявлены. Жду бумажных подтверждений. От соседей из других областей, по поводу твоей якобы стройки, автобусов и так далее – ни слуху ни духу, но тоже время терпит. С другой стороны, ты, неизвестно кто, избиваешь четверых наших братков-спортсменов. Какого!.. За честь Зины, конечно, спасибо, но зачем дальше полез?

– Вам Зина рассказала?

– Во-первых, не выкай. Я к тебе душевно поговорить пришел, ты не на допросе, и я сейчас не начальник. Во-вторых, от Зинки таких сведений не дождешься, по своим каналам

узнал. Прикипела она к тебе, чувствую, – сказал с досадой, тяжело вздыхая. – И еще раз спрошу: зачем дальше пошел разбираться? Получается, что ты суперкиллер? На тебя мне плевать, но ты Зинку подставляешь, ты понимаешь это?

– Да с чего вы... ты взял, что я там был?! – возмутился я, от негодования привставая.

Он неожиданно попытался меня ударить. Я рефлекторно уклонился и взял его кулак в залом, плавно гася импульс. Сергей упал. Элементарная проверка – и я попался! Поняв это, сразу отпустил руку.

– Слышал, что ты резкий, теперь сам убедился, – довольно говорил Сергей, отряхиваясь. – Тебя пассажиры в автобусе видели и соседи по улице. На месте происшествия опять-таки мутно, и Мокрого я раньше знал, он опером был. В голове не укладывается, что это на него нашло! Он хоть и гнилой, но очень уравновешенный тип, стрелял бы исключительно при реальной опасности. Что скажешь?

Снова вычислили, как пацана! Обработать брата Зины внушением не хотелось, и так я перед ней со всех сторон виноватый.

– Дело, надеюсь, закрыто? – хмуро спросил. – И, кроме тебя, никто не знает о подозрениях?

– В лучшем виде! – выплюнул он презрительно. – Не хочет начальство сор из избы выносить. К сожалению, Седой в курсе, что там был кто-то, но не знает кто. С пассажирами я лично возился, но я не один такой умный. Сольют тебя рано или поздно, и Зинка прицепом пойдет – вот что самое страшное! Так кто ты такой, суперкиллер, и зачем ты здесь?! Только не надо врать про потерю памяти! – закончил жестко, упершись в меня раздраженным взглядом. Эмоции метались из крайности в крайность, от «прибить на месте» до «помочь».

– Но я действительно, – произнес по слогам. – *потерял память!* Меня отравили. Кто это сделал, зачем я сюда направлялся, кто я такой на самом деле – *не помню!* Самому тошно! Или думаешь, я сам яду выпил, от которого чуть не сдох? Ты приходил в реанимацию, и Зина наверняка рассказывала, каким меня привезли.

– Но ты подозрительно быстро поправился.

– Ну уж, – я виновато развел руками, – простите великодушно!

– Хорошо, это замнем, – хмыкнул Сергей, – но если ты весь такой из себя профессионал, то зачем так глупо мстил? Зачем себя и Зину подставил?

– Да не мстил я никому, очень она нужна мне была, эта шушера! Я на встречу с Вересом поехал, он позаниматься со мной хотел. Потренировать его, фаната единоборств...

– Стоять! Того Вереса, который участвовал в наезде на вас с Зиной? Которого ты чуть не пришиб? – Аура засверкала недоверием с большой примесью удивления.

– Его.

– Да что ты говоришь! Тренировать врага? После того, как он на тебя напал? Это каким идиотом надо быть, чтобы поверить в эту сказочку! – Сарказм вперемешку с усилившимся удивлением.

– Таким идиотом, как я, – твердо ответил ему. Выдержав паузу, продолжил: – Он подошел ко мне на следующий день. Вежливо поздоровался. Разговорились. Он показался мне не совсем запущенным, и я согласился дать ему несколько уроков. На, посмотри, его телефон у меня забит, – протянул мобильник Сергею, – пробей по-тихому, если не веришь.

– Обязательно пробью, – пробормотал следователь, загоняя номер себе. – А твой номер у него есть?

– Я стер. Не вздумай звонить по нему!

– Я-то точно не идиот, – усмехнулся Сергей, – а вот ты, если это правда... «не от мира сего» – очень мягко про тебя сказано! Станный ты... очень...

Сказал и надолго задумался, изредка на меня поглядывая. Нахмурился.

У него ум за разум зашел! Я видел размашистое шевеление ауры, без Фионы читал его как открытую книгу. А ведь угадал насчет не того мира!

– Не знаю, что с тобой делать, честное слово. По идее, садить тебя надо, но... что-то держит, и не Зинка вовсе, – сказал очень открыто, искренне. – Колись дальше.

– А вот дальше – пусть останется моим секретом. Одно скажу – я сам от себя такого не ожидал, – ответил я, вкладывая в слова всю возможную убедительность, глядя Сергею прямо в глаза.

Он отвел взгляд. Нахмурившись, скрестил на груди руки. Подумав недолго, раскрылся, видимо решив со мной согласиться, не приставать. Пока. В этот момент он напомнил медведя, который сыт, которому человечина до лампочки. До поры до времени.

– Ты грамотно все устроил: если бы не засветился в автобусе, то... теперь понятно, почему засветился, – покачал головой, шепча: «Ой, дурак наивный...» – и что-то еще в этом духе, и непонятно – обо мне или о себе. – Может, ты внешность свою приметную сменишь? Нет, поздно...

Вдруг резко сменил тему:

– Как Зину выручать станем, суперкиллер? Седой и ее прицепом урлет за любимого сына. О Славику тоже не забудь.

– А вот насчет этого у меня есть варианты; возможно, потребуется твоя помощь. Ты мне веришь?

– А что мне еще остается... – проворчал любящий брат. – Появился, как черт из коробки. Веришь – не веришь... не на ромашке гадаем. В голове ни черта не укладывается, но излагай, выслушаю. Или сразу твою голову Седому на блюде принести? – грустно пошутил напоследок. – Не знаю, что лучше. Говори, слушаю.

К доктору опоздал на целый час. Пришлось ждать двоих пациентов.

– У вас, молодой человек, видимо, не только ретроградная, но и антероградная амнезия, – высказывал мне врач, Сергей Викторович, невысокий полноватый бородатый мужчина средних лет.

Он походил на Агнара, моего друга и второго учителя, мужа Лионы, потомственной графини, которая в магии Разума затыкала за пояс всех, включая меня. Мы все вместе пошли в логово чернокнижников...

Как он там Агнар без Лионы? Переживает. Любили они друг друга. А вдруг Лиона вернется? Я же вернусь. Как Рон там говорил: «У них сложные отношения с богиней», – так что все возможно. Успела бы при жизни Агнара! И мне стоит поторопиться.

– Ко мне за месяц записываются, это вам исключение сделали, а вы!.. – продолжал укорять доктор.

Я виновато молчал, на забывчивость сослался еще в первые секунды встречи.

– Присаживайтесь в кресло, молодой человек, приступим, – махнув на меня рукой (в буквальном смысле), приказал врач.

Сидеть было удобно, сразу расслабился. Все продумано: кресла в числе пяти штук, плотные бордовые шторы на окнах, пока раздвинутые. Звукоизоляция на дверях и стенах – мягкого бежевого цвета. Напротив кресел стояла выключенная «плазма». Мечта гипнотизера.

К уже привычным вопросам, которых я наслушался у психиатра и психолога, добавились еще и более конкретные: как именно вспомнил, какой образ всплывал при этом и так далее. Потом пошли чисто игрушки: доктор говорит слово, я – первую пришедшую на ум ассоциацию. Он несколько раз предупреждал – не обдумывать выражения, говорить первое, что пришло в голову, можно даже с ругательствами, но я все равно стеснялся. Наконец перешли к основному.

– Вы готовы к сеансу лечебного гипноза?

– Да, доктор, готов.

– Предупреждаю: вы, возможно, вспомните что-то для вас неприятное; готовы?

– Да, – ответил я твердо.

Если спросить меня, почему я позволяю издеваться над собой, когда этому Сергею Викторовичу можно внушить что-нибудь для галочки, то отвечу: мне было безумно интересно!

Я честно выполнял все инструкции. Расслабился, выкинул мысли, удержался от проваливания в астрал – это, разумеется, без инструкции, – слушал его голос, тихую музыку, смотрел на ритмично переливающуюся плазму и... ничего. Даже обидно.

«Не обижайся, – успокоила Фиона. – Мы – твои реализованные комплексы, внешнее внушение тебе не нужно».

«А жаль, мне любопытно».

Врач произнес: «Десять...» – и я вышел свободным сознанием. Тело совсем обмякло. Сергей Викторович поднял мою руку. Она так и осталась поднятой.

«Интересно, не знал о таком».

Врач удовлетворенно кивнул. Долго внушал, что я маленький ребенок, и потом спросил:

– Что ты видишь?

Я быстро вернулся обратно, скомандовал Сине держать мышцы, как нужно доктору, и стал вещать:

– Мама с папой ругаются, мне страшно...

– Не бойся, я не дам тебя в обиду. Как зовут твоих родителей?

– Мама Галя и папа Родион, он бьет маму! Мне страшно, я не могу ее защитить... я трус...

– Успокойся, все хорошо...

Потом папа пропал из нашей с мамой жизни, но я продолжал его бояться. Потом я на войне. На меня направляют автомат, страшно как никогда, громкий щелчок бойка – осечка. Смотрю в зеркало – седой. Фамилию так и не вспомнил, но в армии откликнулся на Комес и гордился этим.

Признаюсь, мне Фиона подсказывала. Откуда бы я сам догадался, о чем надо врать в таком состоянии? Но про автомат – чисто мое. Красиво.

На счет «один» проснулся.

Ну вот, прибавил головной боли не только милиции, но и другим силовым структурам. Пусть шерстят; чем дольше, тем лучше. Доктор – дядька авторитетный, ему поверят.

– Ну-с, молодой человек, – довольным голосом говорил Сергей Викторович, – вы на первом же сеансе пережили почти полный катарсис! Очень удачно, очень! Еще несколько сеансов – и вы все вспомните! А возможно, не вспомните, – погрузился он, – слишком глубокие травмы, слишком... но будем надеяться!

– Так что я вспомнил, доктор?

– В детстве у вас была хроническая психотравма, ваш отец бил мать, у вас возник комплекс вины...

– А можно попроще? Извините.

– Проще так проще, – охотно согласился врач. – Вы хотите забыть отца, отсюда невозможность вспомнить фамилию и имена родителей. В недавнем прошлом служили в армии или другой структуре, были в горячей точке и выжили просто чудом. Давление на психику неимоверное! Смерть смотрела вам в глаза...

Попал! Вартараар меня взглядом чуть не выпил.

– После этого вы посидели. Кстати, Комес, – сказал, постукивая по справке, – это ваша э-э-э... кличка в армии. Почетная. Неподалеку от Закутка прибавилась еще одна травма, скорее всего – отравление. Психика не выдержала и воспользовалась этим стрессом – загнала все страхи глубоко в бессознательное... – Задумался, потирая бородку. – Теперь насчет следующих сеансов. Мне кажется, лучше сделать перерыв. Не стоит выводить неизжитые комплексы в сознание слишком резко. Сначала эти переживите, согласны?

– Вы – доктор, вам виднее.

– Тогда следующий сеанс через... неделю. Вас устраивает? Это бесплатно! Ради вашего случая готов, так сказать, пожертвовать...

– Вполне устраивает, и спасибо большое. Только вот документы бы мне, я же без работы. Деньги соответственно...

– Ах да! Я все подробно распишу в карте и передам психиатру. Она разберется с милицией. Вам экспертиза предстоит? Я вхожу в комиссию. Да! Самое главное! Вам будут сниться кошмары. Недолго, не волнуйтесь. Их надо пережить, не злоупотребляйте снотворными. В целом психика у вас устойчивая, справитесь.

Единственный, кто мне всю правду рассказал. Молодец мужик, уважаю.

Деньги действительно кончались, пора задуматься и над этим.

Глава 9

В пятницу, в четыре часа дня, я вошел в недавно отреставрированное трехэтажное здание администрации Кутинского района и города Закутка. На втором этаже «сталинского» особняка располагалось законодательное собрание, где в эти часы в своем кабинете вел депутатский прием председатель законодательного собрания Виктор Леонидович Седулин.

На мне был деловой темно-серый костюм, купленный вчера в местном «бутике», якобы от Версаче, белоснежная сорочка и строгий галстук. Волосы собраны в хвост.

– Импозантный мужчина, – заключила Зина на примерке. – Мечта дам средних лет или совсем малолеток. Натуральный банкир. – Завтра мне предстояло принять участие в милицеской подставе, и Зина была очень довольна, что Сергей меня «принял».

В коридоре и приемной змеилась очередь из двух десятков человек, в основном пенсионного возраста. Еще десяток особо престарелых сидели на заботливо выставленных разномастных стульях, наверняка выдернутых из кабинетов.

– Шеф у себя? – обратился я к милой секретарше, протягивая ей пустую бумажку. – Мне срочно.

На моем лице сверкнула обворожительная улыбка, на запястье – золотой «Ролекс». Настоящая Швейцария, одолженная у Зининого отца.

Она смотрела на меня, выпучив глаза. Двое мордovorотов в строгих черных костюмах возле дверей в кабинет незаметно напряглись. По этой бумажке я уже проходил охрану на входе. Школа Лионы: одежда, манеры и легкое внушение. Иногда нелегкое.

– Ты куда это прешь без очереди, рожа твоя наглая! – раздался визгливый женский голос.

В любой очереди найдется такая тетка, «смотрящая» за справедливостью, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не прошел не в свое время. Изредка ее заменяет тщедушный крикливый пожилой мужик. При всей внешней непохожести их объединяет одно общее качество: обостренное чувство правды. Часто они тут же, в ожидании приема у высокого начальства, находясь за пределами кабинета, открыто поливают оное грязью, потому как ничего не боятся. В глаза же ему – почему-то молчат. Просят, как все. Ах да, есть еще одно общее качество этих разнополых персонажей: им решительно нечего делать дома.

Фиона – не Богиня. Та могла глубоко залезать в одного и одновременно «держат» троих-четверых, Фиона – либо глубоко одного, либо поверхностно троих. В данный момент она глубоко обрабатывала девушку, чтобы секретарша увидела именно ту неотложность, которую шеф ждет с особым нетерпением.

– Напялил галстук, хвостик подвязал – и думаешь, все можно?! Люди часами сидят, а он без очереди лезет! Люди, гляньте на него; где справедливость?! – Толстая тетка стояла, призывно оглядывая людей и гневно посматривая на меня.

По толпе пробежали шепотки:

– ...действительно...

– Где это видано, я больше часа сижу...

– И тут блат! Это чиновничий беспредел какой-то!..

Назревал русский бунт, «бессмысленный и беспощадный». Что бы я сейчас ни сказал, все повернется против меня. Секретарша, как назло, тупила, не могла быстро выбрать наиболее безотлагательное дело. Все грозило сорваться. Если народ начнет бузить, то мной близко заинтересуются охранники, придется прервать обработку девушки. Всплывет бумажка, и тогда... Как я упустил из внимания реакцию очереди? Не подумал о количестве желающих попасть на прием.

– Заткнись, Семеновна! Чего людей баламутишь? – неожиданно высказался охранник. – Каждый прием от тебя проблемы. Верочка разберется с... господином. А дальше наша забота, мы здесь порядок обеспечиваем, а не ты.

Не обращая внимания на набравшую полную грудь Семеновну, охранник повернулся к Верочке:

– Чего застыла – видишь, очередь волнуется.

– Развелось тут вас, к народному избраннику не пускаете! – не сдавалась женщина, впрочем, уже не так громко, с опаской. – Отгородились от народа его слуги... – под тяжелым взглядом второго телохранителя еще тише.

Народ безмолвствовал.

«Строго у них», – успел я удивиться и услышал долгожданный голос Верочки.

– Секундочку, мальчики, я с Виктором Леонидовичем свяжусь, – сказала, поднимая трубку селектора, всей доступной мимикой показывая: «Большой человек!» – одновременно кокетливо поглядывая на меня. Как только удастся все это делать, не отрываясь от трубки? Вот что значит опыт.

– Виктор Леонидович, извините, что отрываю, но очень срочное дело, – сказала Верочка в трубку. Дальше громкость понизила почти до шепота, но я расслышал. – Вы просили в любое время. Пришел человек от Аракеляна. Я не знаю, почему не позвонил, мне неудобно спрашивать. Хорошо... хорошо. Я поняла, – с этими словами положила трубку селектора.

Обратилась ко мне с лучезарной улыбкой:

– Подождите, пожалуйста, минутку. Виктор Леонидович отпустит посетителя и вызовет вас.

Я улыбнулся еще очаровательней, чем она.

– Ой, простите! Сразу заходите, как только посетитель выйдет, – засмущавшись, поправилась девушка. Не хватало еще, чтобы Седой успел позвонить этому Аракеляну! В моем присутствии звонить точно не станет.

Охранники, услышав колебания секретарши, насторожились, но к ним устремились две фиолетовые ниточки. Расслабились. Я забрал бумагу с Вериного стола.

Из дверей, пятясь спиной, вышел довольный худой старик, весь обвешанный орденами и медалями:

– Спасибо, Виктор Леонидович, что не забываете нас, ветеранов; доброго вам здоровья! – победно повернулся и шаркающей, но гордой походкой побрел из приемной.

– Ребятки, закройте дверь и никого не впускайте – распоряжение Виктора Леонидовича, – шепнул я молодцам, проскальзывая в открытую дверь.

– Какого... – начал было ругаться Седой, отрываясь от набора номера, но замер. Лицо плавно расплылось в доброжелательной улыбке.

– Вы телефон отключите, Виктор Леонидович. На всякий случай, – сказал я, разваливаясь на ближайшем к столу начальника стуле.

Седой был седым полностью, без единого темного волоска. А если откинуть эту выдающуюся серебристость шевелюры, стриженной под «ежик», то в остальном он был типичнейшим представителем класса чиновников. Костюм-двойка, галстук, сорочка, животик. Неприметное круглое лицо одутловато, под воспаленными глазами – мешки. Переживает о сыне, не высыпается, бедняга. И если бы не воздействие Фионы, то и взор наверняка был бы начальственный, надменный; однако Седой смотрел на меня крайне уважительно. Я бы даже сказал – с опаской.

– Конечно, конечно, – нажал кнопку на селекторе и отдал распоряжение в давно поднятую трубку: – Верочка, меня ни для кого нет, поняла?

– Я знал, что вы не простой, чувствовал, – продолжил говорить, выключая мобильник.

– Во-первых, Виктор Леонидович, соболезную. Мне искренне жаль вашего сына. Мы немного повздорили на «вертолетке», но это было чистое недоразумение. Я не держал на него зла, как, надеюсь, и он на меня.

– Спасибо, – серьезно кивнул в ответ Седой. – Убийцы не уйдут от ответа.

– Как? – удивился я. – Он же один. Или... слухи не верны?

– Есть большие подозрения о целом сговоре за моей спиной, но это мои, личные проблемы. – Пахнет паранойей, придется усилить нажим. – Вы от... – вспоминая, нахмурился, рассеянно потирая лоб.

– Во-вторых, я из Москвы, от Глеба... – продолжил я с нажимом и замолчал, ожидая реакции.

– Подождите... вы же с Паровозом? – сказал он, сделав недоуменное лицо. – Я с вердерскими работаю.

Он расскажет мне все, сам того не заметив, даже то, что забыл. Но мне много не надо – только имена скупщиков, и он их уточнил – Вердер и Глеб.

Я не зря три дня сидел в Интернете. Прочел все статьи и блоги о незаконном обороте драгметаллов, нашел несколько московских группировок, занимающихся золотом с каналом поставки из Восточной Сибири. Несколько раз упоминалась Кутинская обогатительная фабрика в сочетании с криминальными авторитетами: Глебом – Пашей Глебовским, Вердером – Гиви Вердалиани и небезызвестными солнцевскими. Последние мелькали везде, во всех видах деятельности. Сведения являлись непроверенными слухами, чистой воды сплетнями. Ни одного факта. Сайты, на которых размещались статьи, тоже не внушали доверия. Сергей добавил свою оперативную информацию, также, увы, не точную, но пришлось рискнуть. Время поджимало. Не сегодня завтра Седой должен был узнать о моей причастности к гибели Толика, и тогда все повиснет на ниточке: Фиона не ручалась за свою силу. Клиент, встретившись со мной – убийцей сына, в котором он души не чаял, может повести себя неадекватно.

– Как раз о Паровозике и пойдет речь. Я не зря лег в реанимацию и симулировал потерю памяти, я специально поселился у бывшей жены Славика, я наблюдал и слушал.

Я выдержал значительную паузу. Седой буквально смотрел мне в рот, веря каждому слову.

– Славик – приближенный Паровоза, он много знает и ничего от любимой жены не скрывал. Наши подозрения подтвердились, Паровоз хочет нас кинуть. Он и раньше мучил, но мы закрывали глаза, теперь – точка. Глеб очень не любит, когда его кидают, поэтому старается решить проблему заранее. И вот я здесь. Вы хотите спросить: зачем я все это вам рассказываю?

Седой растерянно кивнул.

– Дело в том, что у нас большие планы. Мы получили прямой выход на биржу с полной легализацией. Представляете, что это значит? – Снова кивок. – Объемы представляете? – Глаза Седого сверкнули алчностью.

– Нам нужна вся фабрика, весь неучтенный металл. И вы. Вопросы?

Седой откинулся на спинку и через секунду снова нагнулся к столу:

– Э-э-э...

– Называйте меня Егором.

– Послушайте, Егор, я все понимаю. Но я работаю с Вердером, и меня это устраивает...

– Устраивает? Ой ли? Эти национальные банды непредсказуемы. А почему он товар берет? Я уполномочен предложить половину биржевой цены, – снова алчность в глазах. – Будем брать в любых количествах.

Седой возбужденно заерзал.

– Но это получается, что я их кину... – Интонации, с которыми он выдал эти опасения, не оставляли сомнений – Седой готов принять мое предложение.

«Это у него натуральная жадность, я ни при чем!» – удивленно пояснила Фиона.

– Пусть вас это не волнует, мы разберемся с Гиви. На вас Паровозик и его товар. Решать надо немедленно.

Седой снова откинулся на спинку кресла, но расслабиться не мог. Воздействие Фионы стало минимальным – пациент должен сам прийти к нужному выводу, так будет вернее.

– Я не могу так сразу. Предложение очень заманчивое. Я верю, что вы решите проблему Вердера, но Паровозик... это война, а он вор в законе.

– Глеб не вор и не собирается покупать это звание. При чем здесь понятия? Это многомиллионный бизнес, давайте думать, как бизнесмены. Воры в законе – анахронизм. Согласны?

– Я полностью разделяю ваше мнение, но пока... как вы себе это представляете?

– То есть в целом вы согласны?

– Да, – решительно произнес он после секундной задумчивости.

– Глеб так и предполагал. Он заранее просил меня передать вам свою благодарность.

Седому было приятно это услышать, но виду он не подал. Лишь краешки губ дрогнули в легкой улыбке.

– А я сразу, как только услышал о вас, догадался, что вы прибыли к нам по мою душу. Рад, что не ошибся. Передайте Глебу ответную благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.